

ИЗМЕНА

СЫН, О КОТОРОМ ТЫ НЕ УЗНАЕШЬ

АЛИСА ГРОМОВА

Алиса Громова

Измена. Сын, о

котором ты не узнаешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73126108

SelfPub; 2026

Аннотация

– УБИРАЙСЯ! ТЫ МНЕ НИКТО, И ТВОЙ УБЛЮДОК МНЕ НЕ НУЖЕН! – ОРАЛ ОН ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, ВЫШВЫРИВАЯ МЕНЯ НА УЛИЦУ ПОД ДОЖДЬ.

Я ушла. Гордая. Сломанная. Беременная.

Глеб Арский уничтожил меня, поверив грязной лжи. Он думал, что я изменила. Он не знал главного.

Спустя пять лет я построила жизнь с нуля. Я сильная. Я независимая. И я умею хранить секреты.

Но судьба-злодейка снова столкнула нас. Теперь Глеб – хозяин города, циничный монстр, у которого есть всё, кроме счастья.

Он смотрит на меня с голодом. Он хочет меня вернуть.

НО ОН ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛ МАЛЬЧИКА С ЕГО СЕРЫМИ ГЛАЗАМИ, КОТОРЫЙ ДЕРЖИТ МЕНЯ ЗА РУКУ.

Глеб узнает правду. Он захочет забрать сына.

Но я скорее умру, чем позволю ему приблизиться.

ГОТОВЬСЯ ПОЛЗАТЬ НА КОЛЕНЯХ, АРСКИЙ. ТВОЕ ВРЕМЯ ПЛАТИТЬ ПО СЧЕТАМ.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	4
Глава 2. В логове зверя	36
Глава 3. Ужин с дьяволом	76
Глава 4. Белый траур	109
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Алиса Громова

Измена. Сын, о котором ты не узнаешь

Глава 1. Точка невозврата

Звук был таким, будто ломали кости. Сухой, резкий треск пластика о мокрую брусчатку.

Мой чемодан – бежевый, из телячьей кожи, тот самый, с которым мы летали на Мальдивы в наш «медовый месяц» без штампа в паспорте, – пролетел три метра и с грохотом врезался в кованое ограждение клумбы. Замок не выдержал удара. Крышка отлетела в сторону, неестественно вывернувшись, и содержимое багажа выплеснулось в грязь.

Шелковые блузки, кружевное белье, стопки книг, зарядные устройства – все это веером рассыпалось по лужам, моментально впитывая черную, ледяную воду ноябрьского ливня.

Я стояла и смотрела, как мой любимый кашемировый джемпер – белоснежный, мягкий, пахнущий лавандой из гардеробной – медленно превращается в грязную тряпку. Тяжелая капля грязи упала прямо на воротник, растекаясь уродливым пятном.

Это казалось сюрреализмом. Дурным сном, от которого невозможно проснуться, как ни щипай себя за запястье.

– Вон.

Одно слово. Не крик. Не рык. Выстрел с глушителем. Тихий, но пробивающий насквозь.

Я медленно, преодолевая оцепенение, подняла голову. Ледяные струи дождя тут же ударили в лицо, ослепляя, затекая за шиворот, заставляя вздрагивать всем телом.

Глеб стоял на верхней площадке широкого крыльца. Козырек защищал его от непогоды, оставляя сухим и безупречным, словно он был божеством, взирающим на грешницу с Олимпа.

Свет от настенных фонарей падал на него под таким углом, что лицо наполовину скрывала тень. Но я видела его глаза. Обычно теплые, цвета расплавленного серебра, сейчас они напоминали два дула пистолета, направленные мне в лоб.

– Глеб... – имя застряло в горле, смешавшись со вкусом дождя и желчи. Я сделала неуверенный шаг вперед, мои туфли-лодочки скользнули по мокрому камню. – Пожалуйста... Давай поговорим. Это какая-то чудовищная ошибка.

Он не шелохнулся. Его руки были спрятаны в карманы брюк, плечи расправлены, поза выражала абсолютное, ледяное спокойствие. То самое спокойствие, с которым он обычно уничтожал конкурентов на советах директоров. Только сейчас конкурентом была я. Женщина, которую он еще

утром целовал в плечо перед уходом.

– Ошибка? – переспросил он. Его голос звучал ровно, пугающе буднично для происходящего кошмара. – Ошибка – это то, что я пустил тебя в свой дом, Алиса. Ошибка – это то, что я позволил тебе спать в моей постели. А то, что ты сделала – это не ошибка. Это грязь.

Он вынул правую руку из кармана. В пальцах был зажат плотный конверт из крафтовой бумаги.

– Я не понимаю, о чем ты... – прошептала я, чувствуя, как холод пробирается под кожу, сковывая мышцы. Зубы начали выбивать дробь.

Глеб скомкал конверт и швырнул его в меня. Бумага, утяжеленная фотографиями внутри, ударила меня в грудь острым углом. Больно. Унизительно. Конверт упал в лужу у моих ног.

– Смотри, – приказал он.

Дрожащими пальцами, немеющими от холода, я наклонилась. Вода уже пропитывала бумагу. Я вытащила содержимое.

Снимки. Высокого качества, сделанные с длиннофокусного объектива.

На первом фото – я выхожу из отеля «Хилтон». На мне то самое красное платье, в котором я была на корпоративе две недели назад. Я улыбаюсь. На втором фото – ко мне подходит мужчина. Высокий, темноволосый, со спины. Его рука лежит на моей талии. На третьем фото – мы входим в лифт. Моя

голова запрокинута, я смеюсь, он что-то шепчет мне на ухо. На четвертом – дверь номера. Мы заходим внутрь. Вместе.

Мир качнулся. Земля ушла из-под ног, и мне пришлось схватиться за холодный камень вазона с туями, чтобы не рухнуть.

– Это неправда... – выдохнула я, поднимая на него глаза, полные ужаса. – Глеб, это не я! То есть, это я, но... Я была там на встрече с заказчиками! С Игорем и его женой! Мы обсуждали свадьбу их дочери! Этот мужчина... это, наверное, Игорь, он просто придержал дверь... Мы не заходили в номер вдвоем, там была его жена, она просто не попала в кадр!

– Жена? – Глеб медленно спустился на одну ступеньку. Тень сползла с его лица, открывая искаженные яростью черты. – Мои люди проверили биллинг. Проверили регистрацию гостей. В номере 405 были зарегистрированы двое. Ты и Артем Волков. Твой бывший одноклассник. Или скажешь, что не знаешь такого?

Волков? Имя вспыхнуло в памяти далекой, почти забытой искрой. Артем... Мы учились вместе на первом курсе, пять лет назад. Мы даже не дружили толком.

– Я не видела его сто лет! – закричала я, пытаюсь перекричать шум дождя, который усиливался с каждой секундой, превращаясь в сплошную стену воды. – Глеб, это подстава! Это фотошоп, или ракурс, или... Господи, ты же знаешь меня! Я люблю тебя! Только тебя! Зачем мне кто-то другой?

– Затем, что ты – дрянь, – выплюнул он это слово. – Алч-

ная, расчетливая дрянь, которой стало мало моих денег, захотелось острых ощущений. Я дал тебе все, Алиса. Я вытащил тебя из той дыры, где ты жила. Я одел тебя, обул, дал тебе бизнес. А ты платишь мне тем, что раздвигаешь ноги перед нищим неудачником в дешевом отеле?

– Прекрати! – я зажала уши руками, не в силах слышать эти слова. Каждое из них резало по живому, оставляя кровавые рубцы на душе. – Не смей так говорить со мной!

– Я буду говорить так, как ты заслужила, – он спустился еще ниже. Теперь он нависал надо мной, огромный, темный, пахнувший дорогим виски и опасностью. – У тебя минута, чтобы собрать свое барахло с моей земли. Если через минуту ты будешь здесь – я спущу собак.

Собак. У него были два добермана, Арес и Зевс. Они знали меня. Я кормила их с рук. Неужели он...

Страх, животный и липкий, скрутил внутренности. Но сквозь страх пробивалось другое чувство.

Я сунула руку в карман промокшего насквозь кардигана. Пальцы нащупали гладкий, холодный пластик. Острый край теста на беременность впился в подушечку пальца.

Две полоски. Я узнала об этом всего час назад. Я летела домой на крыльях, я репетировала перед зеркалом, как скажу ему. Я купила маленькие пинетки и положила их в красивую коробку. Коробка сейчас валялась где-то в грязи, раздавленная чемоданом.

Но правда оставалась правдой. Я носила под сердцем его

ребенка. Его часть. Его кровь. Он не сможет выгнать мать своего сына. Или дочери. Он не такой. Он жесток, он вспыльчив, но он – Глеб Арский. Человек чести. Он мечтал о наследнике. Он говорил мне, глядя мой живот ночью: "Хочу, чтобы здесь рос мой сын".

Это мой козырь. Мой щит. Моя последняя надежда.

Я выпрямилась. Вытерла мокрое лицо ладонью, размазывая тушь. Сделала глубокий вдох, чувствуя, как вода попадает в легкие.

– Глеб, – сказала я твердо. Мой голос дрожал, но я заставила себя смотреть ему прямо в глаза. – Ты можешь ненавидеть меня. Ты можешь верить этим фальшивкам. Но есть то, что ты не можешь игнорировать.

Я достала тест из кармана. Белая пластиковая палочка в свете фонарей казалась чем-то инородным, маленьким обломком надежды посреди катастрофы.

– Я беременна.

Мир замер. Даже дождь, казалось, перестал шуметь, или это у меня заложило уши от напряжения.

Глеб застыл. Его взгляд скользнул по моей руке, сжимающей тест, потом вернулся к моему лицу.

Секунда. Две. Три. Время растянулось, превратившись в вязкую смолу. Я слышала каждый удар своего сердца – *тук-тук, тук-тук* – оно билось где-то в горле, перекрывая кислород.

Я ждала. Ждала, что сейчас его маска треснет. Что в гла-

зах появится осознание. Что он кинется ко мне, схватит в охапку, унесет в дом, в тепло, будет просить прощения...

Глеб моргнул. А потом его губы искривились. Медленно. Страшно. Это была не улыбка. Это был оскал зверя, который видит перед собой легкую добычу.

– Беременна? – переспросил он тихо. Слишком тихо.

– Да, – выдохнула я, чувствуя, как горячие слезы смешиваются с дождем. – Пять недель. Это наш малыш, Глеб. Твой сын.

Он хмыкнул. Короткий, лающий смешок, полный яда.

– Мой? – он сделал шаг ко мне. Я не отступила, хотя инстинкты кричали "беги". – Ты правда думаешь, что я настолько идиот?

– О чем ты?.. – я растерялась.

– Ты трахаешься с Волковым в отеле, а потом приходишь ко мне с залетом и пытаешься повесить на меня чужого ублюдка? – его голос хлестнул меня сильнее, чем пощечина.

Меня качнуло. Воздух выбило из легких, как от удара под дых. Ублюдка? Он назвал нашего ребенка... ублюдком?

– Глеб, нет... – я замотала головой, отступая. – Как ты можешь... Я никогда тебе не изменяла! Сделай тест ДНК! Сделай что угодно! Это твой ребенок!

– Мне не нужны тесты, чтобы знать, что ты шлюха, – он посмотрел на меня с таким омерзением, словно я была заразной крысой. – Я видел фото. Мне достаточно.

Он развернулся спиной. Всем своим видом показывая,

что разговор окончен. Что я для него перестала существовать.

– Глеб! – закричала я в отчаянии, бросаясь к ступеням. – Ты не можешь выгнать нас! Я беременна! Мне некуда идти! На улице ночь!

Он остановился, уже взявшись за массивную бронзовую ручку двери. Его широкая спина в безупречной рубашке напряглась. Он не обернулся.

– Аборт – это твоя проблема, Алиса.

Фраза повисла в воздухе, тяжелая, свинцовая, смертельная.

– Что?.. – шепот сорвался с губ сам собой.

– Ты слышала, – бросил он через плечо, не глядя на меня. – Или найди отца этого щенка, пусть он оплачивает клинику. Я чужих детей не содержу. И предателей не прощаю.

Дверь распахнулась, выпустив полоску теплого золотого света из холла. Я увидела краем глаза знакомую картину в прихожей, нашу вешалку, где висело его пальто... Уют. Дом. Рай, который я потеряла.

Хлопок двери прозвучал как выстрел в упор. Щелкнул замок.

Свет на крыльце погас.

Я осталась одна. В полной темноте. Под проливным дождем, который, казалось, хотел смыть меня с лица земли.

Мои ноги подкосились. Я рухнула коленями прямо в грязь, не чувствуя боли от удара. Рука все еще сжимала пла-

стиковый тест. Острый уголок впивался в ладонь до боли, но эта боль была единственным, что удерживало меня в реальности.

Глеб ушел. Свет погас. Остался только шум дождя и чавканье грязи под моими коленями.

Я сидела в луже, в своем лучшем дизайнерском платье, которое теперь весило, кажется, тонну. Вода стекала по спине ледяными ручьями, пробираясь к самому позвоночнику, заставляя мышцы сокращаться в неконтролируемой дрожи. Но холод был ничем по сравнению с пустотой, разверзшейся в груди. Там, где еще минуту назад билось сердце, теперь была черная дыра.

Он не просто выгнал меня. Он растоптал меня. Стер в порошок. "Аборт – твоя проблема".

Эти слова звенели в ушах, перекрывая шум ливня. Они были страшнее удара ножом. Удар ножом можно зашить, рана заживет. А это... Это был приговор. Не мне. Нашему ребенку.

– Нет... – прошептала я, и мой голос потонул в раскате грома. – Нет. Ты не посмеешь.

Внезапно внизу живота, там, где зарождалась новая жизнь, возникло странное ощущение. Сначала – легкое покалывание. Затем – тянущая тяжесть, словно к органам привязали камень. И, наконец, резкий, скручивающий спазм.

Боль прошла тело электрическим разрядом, заставив согнуться пополам. Я уткнулась лбом в мокрую, пахнущую

прелой листвою землю, судорожно хватая ртом воздух.

— Маленький... — прохрипела я, сжимая свободную руку в кулак, впиваясь ногтями в грязь. — Держись. Пожалуйста, держись. Не слушай его. Папа... папа просто ошибся. Он не хотел.

Новый спазм был сильнее. Он сжал внутренности в тугой узел. Страх, животный, первобытный ужас, накрыл меня с головой. Я поняла: если я останусь здесь, на этом холодном крыльце, я потеряю его. Прямо сейчас. Стресс и переохлаждение сделают то, чего хотел Глеб.

Я должна встать. Я должна уйти.

С невероятным усилием, опираясь о скользкую брусчатку, я заставила себя подняться. Ноги не слушались, они были ватными, чужими. Голова кружилась. Перед глазамиплыли черные круги, смешиваясь с дождевой пеленой.

Я бросила последний взгляд на темные окна особняка. Где-то там, за толстыми стенами, Глеб наливал себе виски. Возможно, он злился. Возможно, уже звонил юристам. Ему было тепло. Ему было все равно.

Я развернулась и побрела к воротам.

Трасса встретила меня ревом и ослепляющим светом. Загородное шоссе не прощало пешеходов. Здесь не было тротуаров, только узкая, размытая обочина, покрытая гравием и мусором.

Я шла, не разбирая дороги. Мои туфли — изящные лодочки на шпильке — превратились в инструменты пытки. Каблу-

ки вязли в грязи, подворачивались, грозя сломать лодыжку. На очередном шаге левая туфля застряла намертво. Я дернула ногой, и нога выскользнула, оставшись в одном тонком чулке.

Я не стала останавливаться. Скинула вторую туфлю в кювет. Босиком было холоднее. Острые камни резали ступни, ледяная жижа обжигала кожу, но я этого почти не чувствовала. Все мое внимание было сосредоточено на животе.

Я шла, прижимая ладони к низу живота, создавая из рук подобие защитного кокона. – Мы справимся, – шептала я в темноту. – Я сильная. Ты сильный. Мы Арские, мы не сдаемся.

Мимо пронеслась фура. Воздушная волна едва не сбила меня с ног, обдав облаком грязной водяной пыли. Водитель посигналил – длинный, злобный гудок, ударивший по натянутым нервам. Я пошатнулась, но устояла.

Впереди, сквозь пелену дождя, замаячил размытый неоновый ореол. Заправка. Островок цивилизации в этом аду.

Я ускорила шаг, хотя каждый метр давался с боем. Спазмы становились чаще. Интервалы между ними сокращались.

Когда я ввалилась в двери заправки, колокольчик над входом звякнул весело и беззаботно. Этот звук показался мне кошунством. Яркий, стерильный свет ламп дневного света ударил по глазам, заставив зажмуриться. Тепло помещения ударило в лицо, и меня затрясло еще сильнее. Отходняк. Тепло, поняв, что опасность замерзнуть миновала, начало бить-

ся в конвульсиях.

— Девушка! — голос кассирши прозвучал как сквозь вату. — Господи, что с вами? Вы жертва аварии? Я вызываю полицию!

Я открыла глаза. Я увидела свое отражение в стекле холодильника с газировкой. Сумасшедшая. Мокрые волосы, прилипшие к черепу, похожие на водоросли. Лицо белое, как мел, с черными потеками туши, превратившими меня в персонажа фильма ужасов. Дорогое платье изодрано и покрыто глиной. Ноги в разодранных чулках кровоточат.

— Нет... — язык едва повиновался. — Не полицию. Мне нужно... мне нужен врач.

И тут я почувствовала это. Теплое. Мокрое. Липкое. Оно текло по внутренней стороне бедер.

Я медленно, в ужасе, опустила взгляд. На светлом кафеле пола, прямо под моими ногами, расплывалась капля. Красная. Яркая, как сигнал тревоги. Затем еще одна.

Кровь.

Мир схлопнулся до размера этой красной капли. Крик застрял в горле колючим комом.

— Скорую! — завизжала кассирша, выбегая из-за стойки. — Быстрее! Она теряет ребенка!

Пол ушел из-под ног. Я начала падать, но чьи-то руки подхватили меня. Последнее, что я помнила — это острая, невыносимая боль внизу живота и мысль, яркая, как вспышка: *"Если он умрет, я убью Глеба"*.

Запах. Первым вернулся запах. Резкий, химический запах хлорки, дешевого спирта и вареной капусты. Затем звук. Мерный писк прибора. Монотонный, раздражающий, но свидетельствующий о жизни.

Я открыла глаза. Потолок был в трещинах. Желтые разводы от протечек напоминали карту неизвестного материка. Лампа в пластиковом плафоне мигала, издавая тихий треск.

Я лежала на узкой, жесткой кровати с металлической сеткой. Постельное белье было серым от бесчисленных стирок и пахло прачечной. Больница. Государственная, бесплатная, убогая.

Резко сев, я тут же пожалела об этом. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Но я не обратила на это внимания. Мои руки метнулись к животу. Там было тихо. Ни боли, ни спазмов. Просто пустота?

Паника ледяной волной прокатилась по венам.

– Очнулась? – голос был скрипучим, усталым.

Я повернула голову. В дверях палаты стояла женщина в белом халате. Грузная, с короткими седыми волосами и лицом, на котором, казалось, навсегда застыло выражение вселенской усталости.

– Мой ребенок... – прошептала я. Голос был хриплым, чужим. – Что с ним?

Врач прошла в палату, шаркая стоптанными тапками. Взяла со стумбочки металлическую карту, полистала.

– Живой твой ребенок, – буркнула она, не глядя на меня. –

Сердцебиение есть. Отслойка плаценты началась, но мы купировали. Повезло тебе, девка. Еще бы полчаса по морозу погуляла – и чистить бы пришлось.

Я выдохнула. Воздух вышел из легких со всхлипом. Живой. Я откинулась на подушку, закрывая глаза. Слезы облегчения покатались по вискам. Он живой. Мы победили. Первый раунд за нами.

– Рано радуешься, – врач захлопнула карту с громким стуком. – Угроза сохраняется. Матка в тонусе. Тебе лежать надо, не шевелиться, капельницы ставить. Минимум две недели стационара. А у тебя, милочка, ни документов, ни полиса. В приемном покое сказали – бомжиха какая-то в вечернем платье.

Она наконец посмотрела на меня. Взгляд был оценивающим, циничным.

– Платить чем будешь? Лекарства дорогие. У нас тут не благотворительная богадельня. Квоты кончились еще в октябре. Если платить нечем – выписываем завтра утром под расписку.

Завтра утром. Если я выйду отсюда завтра, я потеряю его. У меня не было дома, не было денег, не было даже одежды – мое платье наверняка выбросили или оно превратилось в тряпку.

Я посмотрела на свою левую руку. Безымянный палец украшал тонкий платиновый ободок. В центре сиял бриллиант безупречной чистоты. Два карата. "Тиффани". Глеб на-

дел мне его на палец в Париже, на вершине Эйфелевой башни. Это было так банально и так прекрасно. *"Ты – мое будущее, Алиса"*, – сказал он тогда.

Ложь. Все это было ложью. Но бриллиант был настоящим.

Я медленно стянула кольцо. Оно шло туго, словно не хотело расставаться с пальцем, словно сама судьба сопротивлялась этому разрыву. Но я дернула сильнее.

– Вот, – я протянула кольцо врачу. Камень сверкнул в тусклом свете лампы, отбрасывая радужные блики на обшарпанные стены. – Этого хватит?

Врач взяла кольцо. Поднесла к глазам, прищурилась. Ее брови поползли вверх. Она, очевидно, разбиралась в вещах лучше, чем казалось.

– Настоящий? – спросила она, и в голосе впервые прорезался интерес.

– Настоящий, – твердо ответила я. – Стоит как три ваших отделения вместе с оборудованием. Возьмите его в залог. Продайте. Сделайте что хотите. Но вы обеспечите мне лучшую палату, лучшие лекарства и полный покой. И вы никому не скажете, что я здесь. Никаких записей в журнале, никаких звонков. Я – инкогнито.

Она посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом. Потом сжала кольцо в кулаке и сунула в карман халата.

– Будет тебе палата, – сказала она уже другим тоном. Деловым. – И лекарства найдем. Лежи, "инкогнито". Сохраним мы твоего наследника.

Она вышла, выключив свет. Я осталась в полумраке. Одна. Без кольца. Без прошлого. Но с будущим, которое билось у меня внутри. Я положила руку на живот. – Мы справимся, сынок, – прошептала я. – Теперь мы одни против всего мира. И мы этот мир нагнем.

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

– Алиса Андреевна, вы меня слышите?

Голос пробился сквозь шум дождя за окном. Я моргнула, возвращаясь из воспоминаний в реальность.

Передо мной был не обшарпанный потолок больницы, а панорамное остекление двадцать пятого этажа башни "Федерация". За окном расстилалась Москва – серая, дождливая, но покорная. Я сидела в кресле из итальянской кожи за столом из массива дуба. На мне был не больничный халат, а костюм от *Saint Laurent* цвета графита. Строгий, закрытый, безупречный. Моя броня.

Напротив сидел финансовый директор моего агентства, Петр Ильич. Он нервно теребил дужку очков.

– Алиса Андреевна? – повторил он осторожно. – Мы обсуждали бюджет на квартал. У нас кассовый разрыв из-за задержки оплаты от "Газпром-Медиа". Нужно либо резать costs, либо...

– Либо брать новый крупный проект, – закончила я за него. Мой голос звучал ровно, холодно. В нем не было и намека на ту испуганную девочку, которой я была пять лет назад. – Резать расходы мы не будем. Я не уволю ни одного со-

трудника перед Новым годом.

– Но, Алиса Андреевна, риски...

– Я знаю о рисках, Петр Ильич. Я живу рисками.

Я встала и подошла к окну. Москва лежала внизу, пронизанная артериями проспектов. Мой город. Я завоевала его. Зубами выгрызла свое место под солнцем. Сначала было тяжело. Адски тяжело. Ломбард, съемная "однушка" в Бирюлево, работа фрилансером по ночам, пока Миша спал в коляске на балконе. Я писала сценарии для дешевых свадеб, организовывала детские праздники в торговых центрах в костюме феи...

Но я не сдалась. Гнев был моим топливом. Каждая бессонная ночь, каждый рубль, отложенный на памперсы, приближали меня к цели. Через два года я открыла свое агентство. Через три – мы вошли в топ-10 по Москве. Теперь "Phoenix Events" – это бренд. Мы делаем события для олигархов, звезд и корпораций.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле. Жесткая линия челюсти. Взгляд, который научился не выражать ничего, кроме вежливого интереса. Волосы, собранные в строгий узел – ни один волосок не выбьется. Я стала "Железной леди". Той самой сукой, которой пугают стажеров.

Но только я знала, что за этой броней все еще живет страх. Страх за него.

Я перевела взгляд на рамку с фотографией, стоящую на краю стола, развернутую так, чтобы видела только я. Миша.

Ему пять. У него темные вихры, которые невозможно усмирить расческой, и серьезный взгляд исподлобья. Он – копия Глеба. Каждый день, глядя на сына, я вижу человека, который уничтожил меня. И каждый день я люблю сына сильнее жизни. Это мой парадокс. Мой личный ад и мой рай.

Телефон на столе глухо завибрировал, прерывая совещание. Я бросила взгляд на экран. *Личный номер. Воспитатель.*

Сердце пропустило удар. Рефлекс сработал мгновенно: холод в животе, выброс адреналина. С Мишей что-то случилось.

– Совещание окончено, – бросила я Петру Ильичу, хватая телефон. – Все свободны.

– Но бюджет... – начал было он.

– Я сказала: свободны!

Он вылетел из кабинета пулей. Я нажала "Принять вызов".

– Да? – мой голос был резким.

– Алиса Андреевна... – голос воспитательницы, Марии Сергеевны, дрожал. – Вы только не волнуйтесь, пожалуйста. Миша... Миша подрался.

Я выдохнула, прикрывая глаза. Подрался. Живой. Целый. Просто драка. – С кем? Кто начал? – спросила я, уже накидывая пальто. Одной рукой я подхватила сумку, другой держала телефон.

– С новеньким мальчиком, Артемом. Артем... ну, он сказал что-то обидное про то, что у Миши нет папы. Что он

"безотцовщина". Миша ударил его машинкой. Разбил бровь. Кровь, крики... Но самое плохое не это.

– Что может быть хуже? – я уже бежала к лифту, цокая каблуками по мрамору коридора.

– Папа этого Артема... он очень влиятельный человек. Он сейчас здесь. Он кричит. Он требует исключения Миши, грозит судом, опекой... Он в ярости, Алиса Андреевна. Вам лучше поторопиться.

– Я буду через двадцать минут, – отчеканила я. – Никого к моему сыну не подпускать. Если этот "влиятельный папаша" хоть пальцем тронет Мишу, я его уничтожу.

Я нажала кнопку отбоя и вошла в лифт. Опека. Суд. Этого я боялась больше всего. Мой статус матери-одиночки был моим слабым местом. Любая проверка, любой скандал могли привлечь внимание. Внимание тех, от кого я скрывалась пять лет.

Если Глеб узнает... Нет. Он не узнает. Я этого не допущу.

Я вылетела на подземную парковку. Мой белый *Porsche Panamera* ждал на месте. Я села за руль, бросила сумку на соседнее сиденье. Руки слегка дрожали, но я сжала руль до побеления костяшек. Соберись, Лиса. Ты уже не та девочка в грязи. Ты хищница. Ты защитишь своего детеныша.

Я вырулила на проспект, вдавливая педаль газа.

Детский сад "Маленький Гений" был элитным заведением за высоким забором. Охрана, камеры, английский с носителями. Я платила за это баснословные деньги, чтобы мой сын

был в безопасности. Видимо, безопасности за деньги не купишь.

Я припарковалась прямо у входа, игнорируя разметку. Выскочила из машины, поправляя пальто. Ветер ударил в лицо, но я шла как танк.

В холле детского сада было тихо, но напряжение висело в воздухе так плотно, что его можно было резать ножом. Я услышала голоса из кабинета заведующей. Один голос – женский, оправдывающийся. Заведующая. Второй – мужской. Низкий, рокочущий, властный.

– Меня не волнует, кто его мать! – гремел мужской голос. – Этот дикарь разбил лицо моему сыну! В моем саду – а я, напомню вам, главный спонсор, – таких инцидентов быть не должно! Гнать их в шею! Или я закрою вашу лавочку к чертям!

Я замерла у двери. Рука, потянувшаяся к ручке, застыла в воздухе. Этот тембр. Эти интонации. Эти рубленые фразы. Холод, страшнее того, ноябрьского, сковал позвоночник.

Нет. Не может быть. Это галлюцинация. Это мой кошмар ожил. В Москве двенадцать миллионов человек. Шанс встретить его – один на миллион.

Я толкнула дверь. Резко. Наотмашь. Отступить было некогда.

Кабинет был просторным. В углу, на диванчике, сидел Миша. Его рубашка была выбилась из брюк, на коленке – грязное пятно, под глазом наливался синяк. Он сжимал в ру-

ках игрушечный трансформер, глядя в пол. Но он не плакал. Он был моим сыном.

В центре комнаты, спиной ко мне, стоял мужчина. Широкие плечи, обтянутые тканью дорогого пиджака. Темные волосы, чуть тронутые сединой на висках. Он нависал над столом бедной заведующей, как скала.

– Что здесь происходит? – мой голос прозвучал ледяным хлыстом.

Мужчина замер на полуслове. Его спина напряглась. Он медленно, очень медленно обернулся.

Наши взгляды встретились.

Глеб Арский. Постаревший, ставший еще более жестким, еще более опасным. В его глазах на долю секунды мелькнуло узнавание, смешанное с неверием. Как будто он увидел призрака.

– Алиса? – выдохнул он.

Время остановилось. И в этой тишине, звенящей от напряжения, раздался звонкий голос моего сына: – Мама!

Миша соскочил с дивана и бросился ко мне, обнимая за ноги. Глеб перевел взгляд на мальчика. На его темные вихры. На его серые глаза, которые сейчас смотрели на "дядю" с точно таким же выражением упрямой злости, какое было у самого Глеба.

Глеб побледнел. Я видела, как краска отлила от его лица. Он смотрел на Мишу. Потом на меня. Потом снова на Мишу. В его мозгу складывался пазл. Страшный пазл.

– Чей... – голос Глеба сел. Он шагнул к нам. – Чей это ребенок, Алиса?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и густой, как нефтяное пятно.

– Чей это ребенок, Алиса?

Глеб не кричал. Он произнес это тихо, почти вкрадчиво, но от этого тона у меня внутри все смерзлось. Так говорят с врагом перед тем, как нажать на курок.

Я чувствовала, как маленькие ладошки Миши сжимают ткань моих брюк. Он прижался ко мне всем телом, ища защиты. Мой сын. Моя плоть и кровь. Живое доказательство того, что Глеб Арский – не просто мерзавец, а слепой глупец.

Пять лет назад он уничтожил меня одной фразой. *"Аборт – твоя проблема"*. Сейчас он стоял в метре от нас, возвышаясь над кабинетом как мрачная скала, и сверлил взглядом мальчика, которого приговорил еще до рождения.

Время растянулось. Я слышала каждый звук: тиканье дешевых часов на стене, испуганное дыхание заведующей, шум крови в собственных ушах, похожий на грохот прибоя.

Нужно отвечать. Молчание – это признание. Я должна солгать. Солгать так виртуозно, чтобы Станиславский на том свете заплодировал. От этой лжи зависит жизнь моего сына. Если Глеб узнает правду – он отберет Мишу. Не из любви. Из принципа. Из чувства собственности. Он уничтожит мой мир во второй раз, и теперь я не восстановлюсь.

Я сделала глубокий, медленный вдох, загоняя панику в

самый дальний угол сознания. Надела маску. Ту самую, которую я ношу на переговорах с акулами бизнеса.

– Мой, – ответила я. Мой голос прозвучал ровно, холодно, с легкой ноткой раздражения. Словно он спросил глупость. – А что, Глеб Викторович, у вас проблемы со зрением? Или с арифметикой?

Глеб сузил глаза. Он шагнул ближе, нарушая все мыслимые границы личного пространства. Его тень накрыла нас с Мишей. Он не смотрел на меня. Он смотрел на мальчика.

Он сканировал его лицо. Жадно. Въедливо. Серые глаза встретились с серыми. Это был момент истины. Генетика – вещь упрямая, её не спрячешь за дорогой одеждой. Форма подбородка. Линия бровей. Упрямый наклон головы. Миша был маленькой ксерокопией Глеба, только с моими губами.

Я молилась всем богам, чтобы Глеб не увидел этого. Чтобы его это, раздутое до размеров вселенной, ослепило его.

– Сколько ему? – спросил Глеб, не отрывая взгляда от лица ребенка.

– Пять, – выдохнула я.

Ложь застряла в горле комком битого стекла. Я хотела сказать "четыре". Хотела сказать "шесть". Хотела соврать что угодно, чтобы сбить его со следа, разорвать временную нить, связывающую нас с той ночью. Но я не могла. Миша знает свой возраст. Он гордится тем, что он "большой". Стоит мне соврать, и он поправит меня. И тогда моя ложь станет очевидной, как красная ракета в ночном небе.

Глеб медленно моргнул. Я видела, как за его каменным лицом заработал аналитический механизм. Тот самый холодный, безжалостный компьютер, который принес ему миллиарды. Он считал. Пять лет. Плюс девять месяцев. Ноябрь. Тот самый ноябрь.

Его взгляд потемнел. Зрачки расширились, поглощая серую радужку, превращая глаза в две черные дыры.

– Пять, – повторил он. Это был не вопрос. Это была констатация факта. – Значит, ты не врала. Ты была беременна тогда.

В кабинете повисла тишина, от которой звенело в ушах. Заведующая, бедная женщина, вжалась в свое кресло, стараясь слиться с обивкой. Она чувствовала, что здесь происходит что-то страшнее, чем рядовая разборка родителей. Здесь воскресали мертвецы.

– Да, – я вскинула подбородок. Мое сердце колотилось о ребра так сильно, что мне казалось, ткань блузки вибрирует. Но внешне я оставалась скалой. – Я была беременна. И ты выгнал меня на улицу, как собаку. Ты хотел, чтобы я сделала аборт. Ты сказал, что это... "твоя проблема".

Лицо Глеба дрогнуло. На секунду маска циничного ублюдка дала трещину. Я увидела там... боль? Вину? Но он тут же задавил это. Зацементировал.

Он перевел взгляд на Мишу. Мальчик стоял, прижавшись к моему бедру, и смотрел на огромного дядю с недетской ненавистью. Миша чувствовал мой страх. И он был готов

драться за меня. Глеб сделал шаг к нам. Он присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ребенком.

– Не подходи к нему, – прошипела я, делая попытку закрыть сына собой.

– Тихо, – Глеб даже не взглянул на меня. Он смотрел только на Мишу.

Он протянул руку. Его ладонь – широкая, сильная, с длинными пальцами пианиста и мозолями от занятий боксом – зависла в сантиметре от лица моего сына. Я перестала дышать. Если он коснется его... Если он почувствует этот ток, эту связь крови, которую невозможно отрицать...

– Как тебя зовут, боец? – спросил Глеб. Его голос изменился. Исчез металл. Появилась странная, хриплая мягкость.

Миша насупился. Его брови сошлись на переносице. Точно так же, как у Глеба сейчас. Это было пугающе. Два зеркальных отражения, разделенные двадцатью семью годами.

– Михаил, – буркнул сын.

Глеб усмехнулся. Криво, болезненно. – Михаил... Красивое имя.

Он все-таки коснулся его. Большим пальцем провел по щеке Миши, стирая след от грифеля или грязи. Миша дернулся, отшатываясь. – Не трогай меня! – крикнул он звонко. – Ты злой! Ты обидел маму!

Глеб замер. Его рука повисла в воздухе. Он медленно поднял глаза на меня. В них плескалась буря.

– Он похож на меня, Алиса, – тихо сказал он. – Глаза. Подбородок. Характер. Даже то, как он сжимает кулаки.

Вот он. Момент истины. Лезвие гильотины зависло над моей шеей. Сейчас он скажет: "Это мой сын". И война начнется.

Я должна ударить первой. Ударить так больно, чтобы у него отключился мозг и включились инстинкты оскорбленного самца.

Я рассмеялась. Это был нервный, злой, истеричный смешок, который резанул слух.

– Похож на тебя? – язвительно переспросила я, скривив губы в презрительной усмешке. – О, Глеб Викторович... Ваше эго раздулось до таких размеров, что перекрывает солнце. Вы видите себя в каждом встречном столбе?

Я наклонилась к нему, понижая голос до шепота, чтобы Миша не расслышал деталей, но чтобы Глеб уловил каждое слово.

– Ты был прав тогда, пять лет назад. Ты же сам швырнул мне в лицо те фотографии. Артем Волков. Помнишь? Мой однокурсник. Тот самый "нищий неудачник", с которым я кувыркалась в "Хилтоне".

Лицо Глеба окаменело. Желваки на скулах вздулись узлами.

– Ты сам сказал: "Пусть папаша оплачивает клинику", – продолжала я, вбивая гвозди в крышку гроба. – Я так и сделала. Я ушла к нему. Миша – сын Артема. А то, что он по-

хож на тебя... Ну, знаешь, у всех брюнетов с серыми глазами есть что-то общее. Не льсти себе. В нем нет ни капли твоей гнилой крови.

Это была чудовищная ложь. Артем Волков был геем, о чем я узнала год назад, случайно встретив его на выставке. Мы тогда долго смеялись над абсурдностью обвинений Глеба. Но Глеб этого не знал. Он знал только свою ревность. Свою паранойю. И сейчас я нажала на самую болезненную точку.

Глеб выпрямился. Резко, как пружина. Воздух вокруг него стал наэлектризованным. Казалось, сейчас полетят искры.

– Ты врешь, – выплюнул он. Но в его голосе не было уверенности. Была ярость. И сомнение.

– Зачем мне врать? – я пожала плечами, делая вид, что мне скучно. – Чтобы что? Получить от тебя алименты? Я богаче многих твоих партнеров, Глеб. Мне от тебя ничего не нужно. Я просто хочу забрать своего сына и уйти отсюда. И чтобы ты и твое семейство держались от нас подальше.

Кстати, о семействе. Я перевела взгляд на заведующую.

– Где родители второго мальчика? Артема? Я хочу видеть того, кто воспитал ребенка, который обзывает других "безотцовщиной".

Глеб шагнул ко мне, перекрывая обзор.

– Артем – мой сын, – глухо сказал он.

Земля снова ушла из-под ног. Я знала это. Я догадыва-

лась. Но услышать это... Артем. Мой сын Миша подрался с Артемом. С сыном Глеба. Значит, они братья. Единокровные братья. И этот Артем – ровесник Миши. Пять лет.

В голове вспыхнул пожар. Если Артему пять... Значит, Глеб зачал его тогда же. Пять лет назад. Пока я лежала в больнице, сохраняя нашу беременность... Пока я продавала кольцо... Пока я подыхала от токсикоза в съемной халупе... Он уже был с другой. С Ингой? Неважно. Он сделал ребенка другой женщине. Сразу. Мгновенно. На замену "бракованной" мне.

Боль, острая и горячая, пронзила грудь. Я думала, что переболела им. Я думала, что мое сердце стало камнем. Оказалось, камень все еще умеет кровоточить.

– Твой сын... – повторила я. Голос предательски дрогнул. – Поздравляю. Быстро же ты нашел утешение.

Глеб смотрел на меня тяжелым, нечитаемым взглядом.

– Жизнь не стоит на месте, Алиса.

– Конечно, – я кивнула, глотая слезы, которые рвались наружу. – Жизнь идет. Особенно у таких, как ты.

Я схватила Мишу за руку. Крепко. До боли.

– Идем, – скомандовала я сыну. – Нам здесь не место.

– Мам, а моя машинка? – пискнул Миша.

– Я куплю тебе новую. Завод по производству машинок куплю. Только идем.

Я потащила его к выходу, буквально волоком. Я не могла находиться здесь ни секунды. Меня тошнило. От запаха Гле-

ба, от его близости, от осознания того, что у него есть другой сын – законный, признанный, любимый, пока мой растет "безотцовщиной".

– Алиса! – окликнул Глеб, когда я уже была у двери.

Я замерла, но не обернулась.

– Мы не договорили. Тендер завтра. Ты будешь там.

– Пошел ты к черту со своим тендером, Арский, – бросила я и вылетела в коридор.

Мы бежали. Снова бежали, как пять лет назад. Только теперь я бежала не в никуда, а к своей машине за пятнадцать миллионов. Я усадила Мишу в детское кресло, пристегнула дрожащими руками.

– Мам, ты плачешь? – тихо спросил он.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. По щекам текли черные дорожки туши.

– Нет, малыш. Просто дождь попал в глаза.

Я села за руль, заблокировала двери. Только сейчас, в безопасности салона, обитого бежевой кожей, я позволила себе выдохнуть. Меня трясло крупной дрожью.

Он не поверил. Я видела это в его глазах. Он засомневался, да. Моя ложь про Волкова сбила его с толку. Но инстинкт... Инстинкт зверя никуда не делся.

Я завела мотор. Рев двигателя немного успокоил нервы.

– Мама, а тот дядя... он кто? – спросил Миша с заднего сиденья.

Я сжала руль так, что кожа перчаток закрипела.

– Никто, Миша. Просто злой дядя, который думает, что ему всё можно.

Я выжала газ и рванула с места, оставляя позади элитный детский сад, прошлое и мужчину, который снова ворвался в мою жизнь, чтобы разрушить её до основания.

Глеб стоял у окна кабинета заведующей и смотрел, как белый *Porsche* срывается с места, визжа шинами по мокрому асфальту, и исчезает в пелене дождя.

В кабинете было тихо. Заведующая боялась дышать.

Глеб сунул руку в карман брюк, сжимая кулак. Он все еще чувствовал фантомное тепло от кожи того мальчишки. Михаил. Миша.

"Сын Артема Волкова". Глеб скрипнул зубами. Звук получился скрежещущим, страшным. Пять лет назад он поверил фактам. Фотографиям. Биллингам. Он был в ярости. Он был пьян от боли предательства.

Но сегодня он был трезв. И он видел глаза мальчишки. Он видел, как пацан сжал кулачки, защищая мать. Он видел этот жест – большой палец прижат к указательному, костяшки белеют. Это был *его* жест. Арский жест. Генетический код, который не подделать.

Волков? Бред. Этот мальчик был копией Глеба в детстве. Фотографии в семейном альбоме Арских не лгут.

– Ольга Петровна, – сказал Глеб, не оборачиваясь.

– Д-да, Глеб Викторович? – пролепетала заведующая.

– Личное дело Михаила... какая у него фамилия?

– Романов. Михаил Александрович Романов.

Романов. Девичья фамилия матери Алисы. Александрович? Отчество отца Алисы. Она дала ему отчество своего отца. Не "Артемович".

Глеб усмехнулся. Злой, хищной улыбкой. Она врала. Она стояла перед ним, глядя в глаза, и нагло врала, защищая свою территорию. И эта ложь возбуждала его больше, чем правда. Она стала сильной. Опасной. Красивой до безумия. Она больше не была той покорной девочкой, которую он выставил за дверь. Теперь это была тигрица.

И она скрывала от него сына. Его сына.

Глеб достал телефон. Набрал номер начальника службы безопасности.

– Алло, Шеф?

– Барс, слушай сюда. Мне нужно все на Алису Романову. Все за последние пять лет. С кем спит, что ест, где лечилась, где рожала. Каждый чек, каждую справку.

– Понял. Срок?

– Вчера. И еще... – Глеб сделал паузу, глядя на то место на полу, где стоял мальчик. Там, на ковре, что-то блестело.

Он подошел ближе. Наклонился. Маленькая пуговица. Оторвалась от рубашки пацана, когда Алиса тащила его к выходу. Глеб поднял пуговицу. Простая пластмасса. Но на ней могла остаться микрочастица. Кожа. Пот.

– Пришли ко мне человека с набором для забора ДНК. Срочно. В "Маленький Гений".

– ДНК? Чьего?

– Моего, – тихо сказал Глеб, сжимая пуговицу в кулаке так, что она врезалась в ладонь. – Я хочу знать наверняка.

Он отключил вызов. Если тест подтвердится... Если она украла у него пять лет жизни сына... Он уничтожит её. Сначала отнимет ребенка. Потом бизнес. А потом заставит ползать на коленях и вымаливать прощение за каждую секунду лжи.

Но где-то в глубине души, в том месте, которое он считал давно мертвым, шевельнулась другая мысль. *Она родила ему сына. Она сохранила его, когда он сам приказал убить.*

Глеб подошел к стеклу, прижался к нему лбом. Война началась, Лиса. И пленных в ней не будет.

Глава 2. В логове зверя

Дорога домой превратилась в гонку на выживание с собственными нервами. Я смотрела в зеркало заднего вида чаще, чем на лобовое стекло. Каждая пара фар, выныривающая из пелены дождя позади, казалась мне глазами хищника. Черный джип? Это его охрана? Серый седан? Это "наружка"?

Паранойя, холодная и липкая, как мокрая рубашка, облепила меня второй кожей. Я знала, кто такой Глеб Арский. Я знала его методы. Если он вцепился – он не отпустит. Пять лет назад он вышвырнул меня, потому что считал грязью. Сегодня он увидел во мне загадку. А загадки Глеб ненавидел. Он любил их решать. Обычно – с помощью бульдозера.

– Мам, ты проехала поворот, – тихий голос Миши с заднего сиденья заставил меня вздрогнуть.

Я резко ударила по тормозам. *Porsche* клюнул носом, АБС затрещала, сопротивляясь мокрому асфальту. Действительно. Я проскочила въезд в наш жилой комплекс "Воробьевы Горы". Мой безопасный рай, мою крепость, которую я строила кирпичик за кирпичиком.

– Прости, малыш, – я выдавила улыбку, глядя на сына через зеркало. – Мама задумалась о работе.

Миша не улыбнулся в ответ. Он сидел, насупившись, прижимая к груди сломанный трансформер. Его взгляд – тяже-

лый, изучающий, пугающе взрослый – сверлил мой затылок. В этом взгляде я видела Глеба. Господи, как я могла надеяться, что никто не заметит? Это же очевидно. Те же брови. Тот же наклон головы. Та же аура скрытой силы, которая в Мише пока спала, но уже пробивалась, как росток сквозь асфальт.

Мы въехали на подземную парковку. Шлагбаум поднялся, сканируя номер. Охрана козырнула. Обычно это меня успокаивало. Здесь, за тремя периметрами охраны, я чувствовала себя неприкасаемой. Но сегодня стены паркинга казались картонными. Если Глеб захочет войти – он войдет. Он купит этот жилой комплекс. Или охрану. Или весь город.

– Идем, – я заглушила мотор. Руки все еще дрожали, когда я отстегивала ремень безопасности.

Мы поднялись в пентхаус в тишине. Как только тяжелая стальная дверь захлопнулась за спиной, и я услышала характерный щелчок замков *Cisa*, меня начало отпускать. Дом. Запах ванили и чистоты. Теплый пол. Здесь я – хозяйка. Здесь нет Глеба.

– Я хочу есть, – заявил Миша, стягивая кроссовки. Он бросил их небрежно, один в угол, другой посередине коврика. Еще одна черта Глеба. Хаос, который он создавал вокруг себя, будучи уверенным, что кто-то (я) все уберет.

– Сейчас, родной. Мой руки. Я закажу пиццу? Или ты хочешь пасту?

– Макароны с сыром. И сосиски.

Я кивнула, направляясь на кухню. Обычная жизнь. Ма-

кароны. Сосиски. Никаких миллиардеров, никаких тестов ДНК, никаких угроз. Я набрала воды в кастрюлю, поставила на индукционную плиту. Пальцы плясали, едва попадая по сенсорам.

Телефон на столешнице моргнул входящим сообщением. Я замерла. Сердце ухнуло куда-то в район желудка. Незвестный номер.

Секунду я просто смотрела на экран, как на бомбу с часовым механизмом. Может, не читать? Может, выбросить телефон в окно? Взяла. Разблокировала.

"Жду завтра в 10:00. Не опаздывай. Арский".

Коротко. Властно. Без "здравствуйте", без "пожалуйста". Приказ. Он нашел мой личный номер. Конечно. Для него это заняло, наверное, секунд тридцать.

Я швырнула телефон на диван, словно он обжег мне руку. Завтра. Тендер. Если я не приду – я потеряю контракт. Неустойка прописана такая, что мне придется продать квартиру и машину, чтобы расплатиться. Агентство обанкротится. Мы с Мишей окажемся на улице. Если я приду – я войду в клетку к тигру.

– Мам! Вода кипит! – крикнул Миша из гостиной.

Я вздрогнула, возвращаясь в реальность. Вода действительно бурлила, выплескиваясь на стеклокерамику. Я выключила плиту. Прижалась лбом к холодному шкафу. Дыши, Алиса. Дыши. Ты больше не жертва. Ты – бизнесмен. Ты – мать. У тебя есть зубы.

Ночь была пыткой. Я уложила Мишу, прочитала ему две главы "Незнайки на Луне", поцеловала в макушку, пахнущую детским шампунем и молоком. Он уснул мгновенно, раскинув руки и ноги "звездой". Я стояла в дверях детской и смотрела на него. Артем. У Глеба есть сын Артем. Эта мысль жгла меня каленым железом. Пока я выживала, пока я считала копейки, пока я рожала в муках – он жил. Он любил. Он делал детей. Артему пять лет. Значит, Инга (или кто там была?) забеременела сразу после того, как он выгнал меня. А может, и до? Может, его гнев тогда, пять лет назад, был лишь спектаклем? Может, он просто искал повод избавиться от меня, чтобы привести в дом другую?

Эта догадка была такой ядовитой, что мне захотелось выть. Я спустилась в гостиную, налила себе бокал красного вина. *Barolo*. Дорогое, терпкое. Подошла к панорамному окну. Москва сияла огнями. Где-то там, в одной из высоток "Сити", горел свет в кабинете Арского. Я знала, что он не спит. Такие, как он, не спят. Они планируют захват.

Я сделала глоток. Вино показалось уксусом. Бежать? Эта мысль билась в голове птицей в клетке. Собрать вещи прямо сейчас. Разбудить Мишу. В аэропорт. Первый рейс куда угодно. В Дубай, в Стамбул, в Бангкок. У меня есть сбережения. На первое время хватит. А потом? Глеб объявит меня в федеральный розыск. Придумает кражу, мошенничество, что угодно. Меня задержат на первой же границе. И тогда он заберет Мишу на законных основаниях, а меня сгноит в

тюрьме.

Нет. Бежать нельзя. Бегство – это признание вины. Нужно играть. Нужно надеть самую дорогую броню, нарисовать самое хищное лицо и пойти туда. В его логово.

Я допила вино залпом. Поставила бокал на стол с громким стуком. – Ты хочешь войны, Глеб? – прошептала я пустоте. – Ты её получишь. Но ты удивишься, узнав, что "серая мышка" научилась кусаться.

Утро следующего дня.

Будильник прозвенел в 6:00. Я не спала ни минуты, поэтому выключила его до того, как он успел разбудить Мишу. Душ. Контрастный. Ледяная вода, затем кипяток. Чтобы кожа горела, чтобы кровь бежала быстрее. Кофе. Двойной эспрессо без сахара. Горький, черный, как моя душа сегодня.

Я стояла перед гардеробной, как полководец перед арсеналом. Что надеть на казнь? Или на коронацию? Платье? Нет, слишком женственно. Слишком уязвимо. Брюки? Слишком спортивно.

Я выбрала белый костюм. Белоснежный жакет с острыми лацканами, глубоким V-образным вырезом (на грани фола, но в рамках приличий) и юбка-карандаш, идеально облегающая бедра. Белый – цвет невинности. Цвет чистоты. И цвет траура в некоторых культурах. Пусть он видит: я не прячусь. Я не боюсь грязи, потому что грязь ко мне не липнет.

Макияж. Плотный тон, чтобы скрыть синяки от бессонницы. Скульптор, чтобы подчеркнуть скулы (сделать лицо еще

жестче). Красная помада? Нет. Слишком агрессивно. Нюд. Холодный беж. Я здесь по делу.

Я собрала волосы в высокий гладкий хвост. Это подтягивало лицо, делало взгляд более открытым и дерзким. Последний штрих. Туфли. *Christian Louboutin*. Двенадцать сантиметров шпильки. Красная подошва – как кровавый след, который я оставляю за собой.

Я посмотрела в зеркало. На меня смотрела незнакомка. Красивая, холодная, дорогая. Женщина, которая стоит миллионы. Женщина, которую невозможно сломать, потому что она уже была сломана и собрана заново из титана.

– Ты справишься, – сказала я отражению. – Ты – Алиса Романова. Владелица лучшего ивент-агентства Москвы. А он – просто заказчик. Просто очередной кошелек с ножками.

В 8:00 приехала няня, Ирина Витальевна. – Миша еще спит, – сказала я ей, надевая пальто цвета кэмел. – Сегодня в сад не вести. Пусть посидит дома. Никому дверь не открывать. Вообще никому. Даже доставке, даже полиции. Если кто-то будет ломиться – звоните мне и в охрану комплекса.

– Алиса Андреевна, что-то случилось? – няня посмотрела на меня с тревогой.

– Карантин, – солгала я не моргнув глазом. – В саду ветрянка. Не хочу, чтобы Миша заболел.

Я вышла из квартиры, чувствуя, как затылок снова начинает гореть. Я оставила сына. Я оставила свое сердце дома, под защитой одной лишь двери и пожилой женщины. Но я

должна идти.

Офис холдинга "Арский Групп" – это сорокаэтажный монстр из стекла и бетона в самом центре Москва-Сити. Башня, пронзающая низкое ноябрьское небо. Здание-фалос. Памятник его эго.

Я подъехала к главному входу ровно в 9:45. Мой *Porsche* выглядел игрушечным на фоне черных "Майбахов" и "Гелендвагенов", припаркованных у VIP-входа. Я вышла из машины. Ветер тут же попытался растрепать мою прическу, но лак суперсильной фиксации держал оборону. Я поправила пальто, взяла сумку с документами (там лежала презентация, смета и... на всякий случай, мой загранпаспорт) и шагнула к вращающимся дверям.

Охрана на входе. Рамки металлоискателей. Сканеры лиц. Все здесь кричало о паранойе и власти. Я прошла контроль. Мои каблуки гулко стучали по мраморному полу лобби. Звук был уверенным. *Цок-цок-цок*. Ритм войны.

– Доброе утро, я на тендер. Агентство "Phoenix", – сказала я девушке на ресепшн. Модель, блондинка, пустые глаза. Типаж, который всегда нравился Глебу. Или мне так казалось?

– Алиса Андреевна? – девушка сверилась с монитором. – Да, вас ждут. Тридцатый этаж. Переговорная "Алмаз". Пропуск я вам выписала, приложите к турникету.

Я взяла пластиковую карточку. Пальцы не дрожали. Я запретила им дрожать.

Лифт был скоростным. Стеклокапсула возносила меня над городом со скоростью шесть метров в секунду. Уши заложило. Я смотрела, как Москва уменьшается, превращаясь в макет. Люди становились точками. Проблемы, казалось, должны были тоже стать мелкими, но они росли по мере приближения к тридцатому этажу.

Двери разъехались с мягким шелестом. Тридцатый этаж. Царство Глеба. Здесь пахло деньгами. Этот специфический запах дорогой кожи, озона от кондиционеров и едва уловимый аромат *Tom Ford Tobacco Vanille*. Его парфюм. Он пропитал здесь даже стены.

Секретарша в приемной была старше той, что внизу. Строже. – Проходите, Алиса Андреевна. Господин Арский и остальные участники уже там.

Остальные участники? Я думала, это будет частная казнь. Оказывается, это публичное шоу. Тем лучше. При свидетелях он не посмеет говорить о личном. Он не спросит про ребенка. Он будет вынужден играть роль бизнесмена.

Я подошла к массивным дверям из матового стекла. Сделала вдох. Выдох. Натянула на лицо дежурную полуулыбку. Толкнула дверь.

Переговорная была огромной. Овальный стол из черного дерева, способный вместить человек двадцать. Панорамные окна во всю стену. За столом сидели трое. Мой главный конкурент – Эдуард из агентства "Royal Wedding". Скользкий тип, который воровал мои идеи. Финансовый директор Ар-

ского – сухой старик в очках. И Он.

Глеб сидел во главе стола. Он не смотрел на документы. Он не смотрел на Эдуарда, который что-то усердно вещал, размахивая руками. Он смотрел на дверь. На меня.

Как только я вошла, разговор стих. Тишина стала вакуумной.

Глеб был в белой рубашке без галстука, рукава закатаны до локтей, открывая сильные предплечья с темными волосами и дорогими часами *Patek Philippe*. Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени. Видимо, он тоже не спал. Но его взгляд... Этот взгляд просканировал меня с ног до головы. Он раздел меня, изучил каждый шов моего костюма, каждую пору на лице, а потом одел обратно и вынес вердикт.

Какой? Я не поняла.

Он медленно, лениво откинулся на спинку кресла. – Опаздываете, Алиса Андреевна, – произнес он. Голос был хриплым, низким. От этого звука у меня по позвоночнику пробежали мурашки, предательски напоминая о тех ночах, когда этот голос шептал мне совсем другие слова.

Я посмотрела на часы. – Девять часов пятьдесят восемь минут, Глеб Викторович. Я пришла за две минуты до начала. Точность – вежливость королей. И королев.

Я прошла к столу, чувствуя его взгляд на своих бедрах. Выбрала стул прямо напротив него. На другом конце стола. Максимальная дистанция. Поставила сумку. Достала папку с презентацией.

– Ну, раз все в сборе, – Глеб не сводил с меня глаз, игнорируя остальных, – начнем цирк.

– Это не цирк, это тендер на юбилей холдинга, – обиженно вставил Эдуард.

– Для кого как, – усмехнулся Глеб. Усмешка была злой. – Для кого-то это работа. А для кого-то – способ напомнить о себе.

Удар. Первый выстрел. Я встретила его взгляд прямо. – Мое портфолио говорит само за себя. Мне не нужно напоминать о себе. Мои работы кричат за меня.

– Кричат? – он склонил голову набок. – Надеюсь, не так громко, как вы умеете... кричать?

Двусмысленность повисла в воздухе. Эдуард хихикнул, не поняв подтекста. Финансовый директор нахмурился. А у меня вспыхнули щеки. Он намекал на секс. Или на вчерашнюю истерику? Нет, на секс. Он бил ниже пояса. При всех.

– Перейдем к делу, – жестко оборвала я, открывая папку. – Ваше ТЗ. Юбилей компании. Бюджет пятьдесят миллионов. Локация – Барвиха.

– Скучно, – зевнул Глеб.

– Я еще не начала.

– А мне уже скучно. Вы все предлагаете одно и то же. Банкет, звезды эстрады, фейерверк. Пошлость.

Он резко подался вперед, опираясь локтями о стол. – Удивите меня, Алиса Андреевна. Продайте мне праздник. Сделайте так, чтобы я захотел... купить.

В его глазах плясали бесы. Он играл. Он наслаждался своей властью. Он хотел, чтобы я танцевала перед ним, угождала, доказывала. Гровелинг наоборот? Он хотел, чтобы я унижалась профессионально.

Я захлопнула папку. Громко. Встала. Прошла вдоль стола, чувствуя, как напрягаются все присутствующие. Подошла к окну.

– Вы правы, Глеб Викторович. Банкет – это пошлость. Для человека, у которого есть все, еда и музыка – это мусор. Вам не нужен праздник. Вам нужен триумф.

Я резко развернулась. – Я не предлагаю вам Барвиху. Я предлагаю вам стройку.

– Что? – Эдуард поперхнулся водой.

– Стройку, – повторила я, глядя только на Глеба. – Ваш первый объект. Тот самый котлован, с которого началась империя Арских пятнадцать лет назад. Мы сделаем юбилей там. В индустриальном стиле. Бетон, арматура, неон и симфонический оркестр. Контраст грязи и люкса. То, из чего вы выросли, и то, кем вы стали. Это будет дерзко. Это будет скандально. Это будет про вас.

В кабинете повисла тишина. Глеб смотрел на меня. Его зрачки расширились. Он не ожидал. Он ждал ванильной чуши, которую можно высмеять. А я ударила его по самому больному и самому гордому – по его эго, по его истории.

– Бетон и оркестр... – пробормотал он.

– Именно. И никакого "лакшери" в привычном смысле.

Гости в смокингах будут ходить по настилам над котлованом. Это метафора, Глеб Викторович. Один неверный шаг – и ты вниз. Вы ведь любите риск?

Наши взгляды скрестились как шпаги. Я видела, как в нем загорается интерес. Не к проекту. Ко мне. Он увидел во мне равного игрока.

– Эдуард, – не глядя на конкурента, сказал Глеб. – Вон.

– Но... Глеб Викторович, у меня презентация с 3D-маппингом...

– Вон, я сказал! – рявкнул Арский так, что стекла в рамках задребезжали.

Эдуард схватил свои бумаги и вылетел из кабинета как ошпаренный. Финансовый директор тоже поспешил ретироваться, бормоча что-то про срочный звонок.

Мы остались одни. В огромной переговорной, над городом, под серым небом.

Глеб медленно встал. Обошел стол. Я стояла, не шелохнувшись, хотя инстинкт самосохранения орал: "Беги!". Он подошел вплотную. Я чувствовала жар, исходящий от его тела. Он был выше меня на голову, даже с моими каблуками.

– Красивая идея, – тихо сказал он. – Стройка. Грязь. Котлован. Ты ведь помнишь, откуда я тебя вытащил, Алиса? Из такой же грязи.

– Я помню, куда ты меня бросил, – ответила я, глядя ему в подбородок. – Обратно в грязь. Но я отмылась, Глеб. А вот отмоешься ли ты?

Он протянул руку. Я дернулась, но не отступила. Его пальцы коснулись лацкана моего белого пиджака. Медленно погладили ткань.

– Белый... – усмехнулся он. – Тебе не идет. Ты не ангел, Лиса. Ангелы не врут глядя в глаза.

– Я не врал.

– Врала.

Он сделал еще шаг. Теперь нас разделяли миллиметры. – Я заказал тест, Алиса.

Мир качнулся. Я знала, что он может. Но слышать это...

– Какой тест? – я изобразила недоумение. – Ты с ума сошел? Тебе лечиться надо от паранойи!

– Я нашел пуговицу, – перебил он. – В кабинете заведующей. Синюю, маленькую пуговицу. От рубашки твоего... Волкова. Экспресс-анализ будет готов сегодня к вечеру.

Он наклонился к моему уху. Его губы коснулись моих волос. – И если там будет моя ДНК... Я не просто заберу сына. Я тебя уничтожу. Я лишу тебя всего. Бизнеса, квартиры, имени. Ты станешь никем.

Я замерла. Дыхание перехватило. Пуговица. Чертова пуговица! Когда я тащила Мишу, он, наверное, зацепился... Это конец. К вечеру он будет знать.

Но я не могла позволить ему увидеть мой страх. Не сейчас. Я подняла глаза. В них была ледяная ярость.

– А если тест будет отрицательным? – спросила я. – Если ты ошибаешься, Арский? Что тогда?

Он замер. – Тогда... – он посмотрел на мои губы. – Тогда я подпишу с тобой контракт. На твоих условиях. И удвою сумму.

– Нет, – я покачала головой. – Деньги мне не нужны.

– А что тебе нужно?

– Если тест отрицательный... – я сглотнула, придумывая условие на ходу. – Ты исчезнешь из моей жизни. Навсегда. Ты продашь свою долю в этом здании, переведешь активы, уедешь на Марс, мне плевать. Но чтобы я и мой сын больше никогда не видели твоего лица. И ты публично извинишься. На коленях.

Глеб рассмеялся. Громко, раскатисто. – На коленях? Ты смелая девочка. Мне нравится. Идет. Он протянул руку. – Пари?

Я посмотрела на его широкую ладонь. Ладонь дьявола, предлагающего сделку. Я знала, что проиграю. Я знала, что тест будет положительным. Но у меня был план Б. Точнее, его зародыш. Мне нужно время. До вечера.

Я вложила свою руку в его. Его пальцы сомкнулись капканом. Горячим, сильным.

– Пари, – выдохнула я.

– Ждем вечера, Лиса, – он не отпускал мою руку, большим пальцем поглаживая мою кожу, вызывая предательскую дрожь. – А пока... давай обсудим детали "Стройки". Мне нравится твоя идея. Особенно часть про "один неверный шаг – и ты вниз".

Он резко дернул меня на себя. Мое тело врезалось в его каменную грудь. Наши лица оказались так близко, что я могла бы поцеловать его. Или укусить. В его глазах я видела голод. Животный, ненасытный голод, который не имел ничего общего с бизнесом.

– Ты все еще пахнешь мной, – прошептал он.

– Я пахну *Chanel*, – огрызнулась я, пытаюсь вырваться.

– Нет. Ты пахнешь страхом. И желанием.

Дверь переговорной распахнулась без стука.

– Глеб Викторович, там курьер из лаборатории! – звонкий голос секретарши разрушил магию (или проклятие) момента.

Глеб отпустил меня. Мгновенно. Отошел на шаг, поправляя манжеты. Снова холодный босс.

– Пусть войдет, – бросил он.

В кабинет вошел человек в куртке с логотипом "Genetico". В руках он держал запечатанный пакет.

– Экспресс-доставка, – сказал курьер. – Результаты готовы.

У меня подкосились ноги. Вечер? Он сказал "к вечеру"! Он солгал. Он блефовал, чтобы расслабить меня. Результаты уже здесь. Прямо сейчас.

Курьер положил пакет на стол. Белый конверт. Приговор.

Глеб посмотрел на конверт. Потом на меня. Его губы растянулись в торжествующей улыбке.

– Кажется, вечер наступил раньше, Алиса.

Он потянулся к конверту.

Курьер исчез так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь легкое колебание воздуха и белый прямоугольник на черном лаке стола.

Этот конверт лежал между нами, как заряженный пистолет. На белой бумаге выделялся красный штамп "СИТО!" – срочно. В медицинской терминологии это обычно означает вопрос жизни и смерти. В нашем случае это был вопрос свободы.

Глеб не спешил. Он наслаждался моментом. Я видела это по тому, как раздувались крылья его носа, вдыхая мой страх. Он чувствовал его, как акула чувствует каплю крови в океане за километр. Моя броня "Железной леди", мой безупречный белый костюм, мой макияж – все это сейчас казалось тонкой папиросной бумагой, не способной защитить от радиации, исходившей от этого человека.

Щелк. Звук был тихим, но в вакуумной тишине переговорной он прозвучал как выстрел затвора. Глеб нажал кнопку на пульте, встроенном в столешницу. Жалюзи на стеклянных стенах, отделяющих нас от офисного "муравейника", медленно поползли вниз, отсекая нас от внешнего мира. Следом щелкнул магнитный замок на двери.

Мы остались одни. В звукоизолированной кубе на высоте тридцатого этажа.

– Боишься? – спросил он. Его голос был мягким, обволакивающим, похожим на бархат, под которым спрятаны лез-

вия.

Я заставила себя сделать вдох. Воздух казался густым, тяжелым. Легкие горели.

– С чего мне бояться? – я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза. – Я знаю правду. А вот ты, Глеб Викторович, кажется, собираешься потратить кучу денег на то, чтобы убедиться в собственной глупости.

– Правда... – он задумчиво покатал это слово на языке. – Интересная концепция. Пять лет назад твоей "правдой" было то, что ты верная жена. А моей "правдой" были фотографии из отеля. Чья правда оказалась сильнее?

– Та, за которую больше заплатили, – парировала я.

Он усмехнулся. Медленно обошел стол, приближаясь к конверту. Его пальцы, длинные, ухоженные, коснулись края бумаги. Он не взял его сразу. Он провел подушечкой пальца по линии склейки, словно лаская врага перед убийством.

– Знаешь, как делают такие тесты по микрочастицам? – спросил он будничным тоном, не поднимая глаз. – Это чудо науки. Достаточно одной клетки эпителия. Одной чешуйки кожи, застрявшей в нитках пуговицы. И машина выдаст код. Уникальный код. Как штрих-код товара в супермаркете.

Он поднял глаза на меня. – Если товар мой – я его заберу. Без чека. Без гарантии. Просто потому, что это моё.

У меня подкосились ноги. Я незаметно ухватила рукой за спинку кожаного кресла, чтобы не упасть. Кровь стучала в висках набатом: *Беги. Бей. Кричи.* Но бежать было некуда.

Дверь заблокирована. Окна не открываются.

– Открывай, – процедила я сквозь зубы. – Хватит театральных пауз. У меня график.

– График... – он хмыкнул. – Куда ты спешишь, Алиса? К "Волкову"? Или в детский сад, забирать "Романова"? Кстати, почему Романов? Решила дать ему фамилию деда? Благодарно. Но глупо. Романов – это династия царей. А Арский – это династия хищников. Ему больше подошло бы второе.

Он взял конверт. Резкое движение – и плотная бумага с треском разорвалась. Звук этот резанул по натянутым нервам так, что я едва сдержала вздох.

Глеб достал сложенный вдвое лист. Развернул его. Время остановилось. Я смотрела на его лицо, пытаюсь уловить малейшее изменение мимики. Секунда. Две. Три. Он читал. Его лицо оставалось каменным. Ни один мускул не дрогнул. Только глаза... Они бегали по строчкам, сканируя цифры, графики, маркеры аллелей.

А потом он замер. Его взгляд остановился внизу страницы. Там, где жирным шрифтом был напечатан итоговый вердикт. Вероятность отцовства.

Тишина стала звенящей. Невыносимой. Я слышала, как гудит кулер в моем ноутбуке на другом конце стола. Я слышала, как где-то далеко, на Садовом кольце, воеет сирена скорой помощи. Но здесь, в этом кабинете, умер звук.

Глеб медленно опустил лист на стол. Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно, на серую пелену дождя, заливаю-

щую Москву. Его плечи, всегда расправленные, напряглись так, что ткань рубашки натянулась на спине, грозя лопнуть. Кулаки, упертые в столешницу, побелели. Костяшки выступали острыми буграми.

– Глеб? – позвала я. Голос предательски дрогнул. – Ну что? Мне готовить камеру, чтобы снять, как ты ползаешь на коленях?

Он молчал. Это молчание пугало больше, чем крик. В нем была бездна. Потом он сделал глубокий вдох. Шумный, тяжелый, как зверь, готовящийся к прыжку. И медленно повернул голову ко мне.

Я отшатнулась. Это был не Глеб. Не тот циничный бизнесмен, с которым я торговалась пять минут назад. На меня смотрел монстр. Его глаза были абсолютно черными. Зрачки расширились настолько, что радужки не было видно. Лицо посерело. Губы превратились в тонкую, жесткую линию. В этом взгляде было столько боли и столько ярости, что меня обдало жаром.

– Пять лет, – произнес он. Шепотом. Но этот шепот пробрал до костей. – Пять. Чертовых. Лет.

Он схватил лист со стола и швырнул его в меня. Бумага, порхая, как подбитая птица, ударилась о мою грудь и упала к ногам. Я опустила глаза. Цифры плясали перед глазами, но самую главную я увидела сразу.

Вероятность отцовства: 99,9998%.

Мир рухнул. Второй раз за пять лет. Моя ложь, моя кре-

пость, моя защита – все рассыпалось в прах. Пуговица. Проклятая пластмассовая пуговица с рубашки *Ralph Lauren*, которую я застегивала утром трясущимися руками.

Я подняла голову. Глеб шел на меня. Он не шел – он двигался, как лавина. Сметая на своем пути тяжелые кожаные кресла, отшвыривая их в стороны, как картонные коробки. Грохот мебели. Скрежет ножек по паркету.

Я попятилась. Спина уперлась в холодное стекло панорамного окна. Отступать некуда. За спиной – бездна в тридцать этажей. Впереди – бездна ярости мужчины, у которого украли жизнь.

Он врезался в меня, вжимая в стекло своим телом. Его руки – горячие, жесткие – ударили по стеклу по обе стороны от моей головы, отрезая пути к отступлению. Клетка захлопнулась.

– Ты... – выдохнул он мне в лицо. Я чувствовала запах кофе и безумия. – Ты украла у меня сына.

– Я спасла его! – закричала я, глядя ему в глаза. Страх исчез. Остался только адреналин матери, защищающей детеныша. – Ты выгнал меня! Ты сказал "аборт – твоя проблема"! Ты хотел убить его, Глеб!

– Я не знал! – рывкнул он так, что стекло за моей спиной завибрировало. – Я думал, это ребенок Волкова! Ты заставила меня поверить, что ты шлюха!

– Ты сам захотел в это поверить! Тебе было удобно! Тебе подсунули картинки, и ты, великий Глеб Арский, даже не

попытался разобраться! Ты вышвырнул беременную жену на улицу в дождь! Я умирала, Глеб! Я истекала кровью на полу грязной заправки! Врачи говорили, что он не выживет! А ты... ты в это время делал нового наследника своей подстилке!

Удар. Слова попали в цель. Глеб дернулся, словно получил пощечину. Боль в его глазах сменилась чем-то другим. Ужасом? Осознанием? Он отстранился на миллиметр, глядя на меня так, будто видел впервые.

– Ты... ты чуть не потеряла его? – спросил он хрипло.

– Чуть? – я рассмеялась, и это был страшный смех. – Я продала кольцо, чтобы купить лекарства. Я жила в клоповнике. Я ела гречку полгода, чтобы у Миши были витамины. Где ты был, папочка? Где ты был, когда у него резались зубы? Где ты был, когда он спрашивал, почему у всех есть папа, а у него нет?

– Я не знал... – повторил он, но уже тише. Его агрессия начала трансформироваться в глухую, тяжелую вину. Но эта вина была опаснее ярости. Вина требовала искупления. А искупление у Глеба Арского всегда выглядело как контроль.

Он снова навис надо мной. Его лицо оказалось так близко, что я видела каждую морщинку в уголках глаз. Он поднял руку. Я дернулась, ожидая удара. Но он коснулся моей скулы. Грубо. Жестко. Большой палец провел по коже, стирая тональный крем, добираясь до настоящей меня.

– Ты права, – тихо сказал он. – Я виноват. Я идиот, кото-

рый поверил фальшивке. Я совершил ошибку.

Я замерла. Он признал? Неужели...

– Но, – его голос стал стальным, холодным, безжизненным. – Это не меняет факта. Ты скрыла его. Ты лишила меня пяти лет. Ты украла у меня первые шаги, первое слово, первый смех. Это преступление, Алиса. И ты за него заплатишь.

– Я уже заплатила, – прошептала я.

– Нет. Это были только проценты. Основной долг ты начнешь отдавать сегодня.

Он резко убрал руку от моего лица. Выпрямился. Поправил манжеты рубашки, словно ничего не произошло. Мгновенная трансформация обратно в "хозяина жизни". Это пугало до дрожи.

– Собирайся, – бросил он, направляясь к своему столу.

– Что? – я моргнула, не понимая.

– Мы едем, – он взял телефон. – Прямо сейчас.

– Куда?

Он обернулся. Его улыбка была страшной. В ней не было радости. Только торжество победителя, который берет пленных.

– Домой. К моему сыну. Я хочу познакомиться с ним. По настоящему.

– Нет! – я отлепилась от окна, бросаясь к нему. – Ты не посмеешь! Он не знает тебя! Ты напугаешь его!

– Я его отец, – отрезал Глеб. – И он будет знать это. Сегодня же.

– Я не пушу тебя! У тебя нет прав! Юридически ты ему никто! В свидетельстве о рождении прочерк!

Глеб остановился. Медленно повернул голову. – Юридически? – он усмехнулся. – Алиса, ты забыла, с кем говоришь? Я куплю любой суд в этой стране до обеда. Я сделаю тест ДНК судебной экспертизой за час. Я лишу тебя родительских прав за то, что ты жила в "клоповнике" и подвергала ребенка опасности. Ты хочешь войны в суде? Ты её проиграешь. У меня армия юристов. У тебя – гордость и арендованный офис.

Он был прав. Он раздавит меня. Юридически я труп. Он докажет, что я скрывала отца, что я... что угодно. Он найдет свидетелей, которые скажут, что я пью кровь младенцев по утрам.

– Что ты хочешь? – спросила я глухо. Сдаваясь.

– Я хочу сына, – ответил он просто. – Я хочу, чтобы он жил в моем доме. Я хочу, чтобы он носил мою фамилию. Я хочу воспитывать его.

– Ты хочешь забрать его у меня?

– Я мог бы, – кивнул он. – И, честно говоря, мне очень хочется это сделать. Вышвырнуть тебя из его жизни так же, как ты вышвырнула меня. Око за око.

У меня перехватило дыхание. Картинка: Миша плачет, тянет ко мне руки, а охрана Глеба тащит меня прочь...

– Но, – продолжил Глеб, подходя ко мне вплотную. – Ребенку нужна мать. Я навел справки. Ты хорошая мать, Али-

са. Параноидальная, сумасшедшая, но хорошая. Он привязан к тебе. Разрыв с тобой его травмирует. А я не хочу травмировать своего сына.

Он взял меня за подбородок. Жестко зафиксировал лицо, заставляя смотреть в его глаза.

– Поэтому у нас будет сделка.

– Какая? – губы не слушались.

– Ты переезжаешь ко мне. Сегодня же. Вместе с Мишей. Мы будем жить как одна большая, "счастливая" семья. Ты будешь играть роль моей жены. Миша получит отца. Пресса получит красивую картинку воссоединения семьи перед выборами мэра.

– Ты... ты баллотируешься в мэры? – эта деталь всплыла из ниоткуда.

– Именно. И история о "найденном сыне и любимой женщине" мне сейчас очень кстати. Но это побочный эффект. Главное – сын будет рядом со мной. 24 на 7.

– А если я откажусь?

– Тогда я заберу его силой, – спокойно ответил он. – Я аннулирую твою опеку. Я найду наркотики в твоей машине. Я закрою твоё агентство за неуплату налогов. Я разрушу твою жизнь, Алиса, до основания. И Мишу ты будешь видеть по праздникам под присмотром конвоя. Выбирай.

Я смотрела в его глаза и понимала: он не блефует. Он делает это. У меня не было выбора. Капкан захлопнулся. Пять лет я бежала, чтобы в итоге прибежать именно сюда. В эту

точку.

– Хорошо, – выдохнула я. – Я согласна. Но у меня есть условия.

– Условия? – он поднял бровь. – Ты не в том положении, чтобы ставить условия, милая. Но я сегодня щедрый. Говори.

– Ты не скажешь ему сразу, что ты отец. Мы подготовим его. Постепенно. Он думает, что папы нет. Если свалишься как снег на голову – у него будет шок.

Глеб задумался. – Принимается. Я буду... "другом мамы". Пока.

– И второе. – Я набрала в грудь воздуха. – Твой второй сын. Артем. Он не должен приближаться к Мише. Я не хочу, чтобы мой сын чувствовал себя вторым сортом рядом с твоим "законным" наследником.

Глеб странно посмотрел на меня. В его взгляде мелькнуло что-то непонятное. – Артем? – переспросил он. – Ах да... Артем.

Он вдруг улыбнулся. Кривой, горькой улыбкой. – Не волнуйся насчет Артема. Он не будет проблемой.

– Почему? Он живет с тобой?

– Это тебя не касается, – резко оборвал он. – Собирайся. Мы едем за вещами.

Он разблокировал дверь. Свобода? Нет. Конвой. Я подошла к столу, подняла свою сумку. Руки были ледяными. Взгляд упал на скомканный лист с тестом ДНК на полу. 99,9998%. Цифры, которые изменили всё.

– И еще, Алиса, – голос Глеба догнал меня у выхода.
Я обернулась.

Он стоял посреди кабинета, руки в карманах, хозяин мира. – Никаких "Волковых". Никаких мужчин. Теперь ты моя. Снова. И на этот раз я буду следить за тобой очень внимательно. Шаг влево, шаг вправо – расстрел.

– Я не твоя, Арский, – выплюнула я. – Я мать твоего ребенка. Это разные вещи.

– Посмотрим, – усмехнулся он, скользя взглядом по моим губам. – Ночи в моем доме длинные.

Меня передернуло. Он намекал... Нет. Никогда. Я лучше умру, чем снова лягу с ним в постель. Я вышла из кабинета, чувствуя спиной его тяжелый, собственнический взгляд.

Война перешла в новую фазу. Партизанскую. Я буду жить в тылу врага. Я буду улыбаться ему за завтраком. Но я найду способ сбежать. Я найду его слабое место. И я ударю.

Лифт спускался в подземный паркинг, отсчитывая этажи, как секундомер перед взрывом. 20... 15... 10... Мы стояли рядом, но между нами пролегла пропасть, заполненная ложью, болью и тестом ДНК с результатом 99,9%.

Я смотрела на свое отражение в полированной стали дверей. Белый костюм, который утром казался мне доспехами Жанны д'Арк, теперь выглядел как саван. Я проиграла. Я сдала крепость без боя, подписав капитуляцию под дулом пистолета, приставленного к будущему моего сына.

Глеб стоял неподвижно. Он даже не смотрел на меня. Он

уткнулся в свой телефон, быстро печатая кому-то сообщения. Его пальцы двигались с пугающей скоростью. Он отдавал приказы. Он перекраивал мою реальность на ходу. Его аура заполняла кабину лифта, вытесняя кислород. От него пахло властью – этот специфический коктейль из дорогого парфюма, адреналина и абсолютной уверенности в том, что мир вращается вокруг его оси.

Дзинь. Первый этаж. Двери разъехались.

– Моя машина здесь, – сказала я, делая шаг к выходу. – Я поеду на ней.

Глеб перехватил мой локоть. Мягко, но так, что я почувствовала сталь его пальцев через ткань рукава.

– Твоя машина останется здесь. Заберешь потом. Или продашь. Тебе она больше не понадобится.

– Я не сяду в твою машину, – огрызнулась я, пытаюсь вырваться. – У меня там детское кресло. У меня там вещи.

– Кресло переставят, – он потянул меня за собой, игнорируя мое сопротивление. – Алиса, прекрати брыкаться. Ты выглядишь истеричкой. А жена будущего мэра должна быть образцом достоинства.

Мы вышли на улицу. У крыльца башни уже стоял кортеж. Два черных "Гелендвагена" охраны и массивный, похожий на броневик, *Maybach*. Водитель в фуражке распахнул заднюю дверь.

– Прошу, – Глеб сделал приглашающий жест, в котором было больше издевки, чем галантности.

Я замерла на секунду, глядя в черный зев салона. Если я сяду туда – обратного пути не будет. Это точка невозврата. Но у меня перед глазами стоял тот лист с цифрами. И слова Глеба: *"Я лишу тебя родительских прав"*.

Я стиснула зубы так, что заболела челюсть, и нырнула в салон. Кожа сидений пахла новой машиной и холодом. Стекла были тонированы наглухо, отрезая нас от города. Глеб сел рядом. Дверь захлопнулась с тяжелым, вакуумным звуком, отсекая шум улицы.

– Поехали, – бросил он водителю. – Сначала на "Воробьевы", потом в поселок.

Машина плавно тронулась. Я отвернулась к окну, глядя на смазанные огни Москвы. Мой город. Моя свобода. Все это осталось там, за тонированным стеклом.

Дорога до моего дома заняла двадцать минут. Обычно я ехала сорок. Кортёж Арского раздвигал пробки, как ледокол. Мигалок не было, но номера серии "АМР" и наглая манера вождения охраны делали свое дело.

Когда мы въехали во двор моего жилого комплекса, я почувствовала укол стыда. Охранник на КПП, дядя Вася, который всегда улыбался мне и Мише, сейчас вытянулся в струнку, испуганно глядя на черных монстров, оккупировавших гостевую парковку. Я привезла врага в свой дом. Я предала наше убежище.

– Жди здесь, – сказала я Глебу, когда машина остановилась у подъезда. – Я соберу вещи и выведу Мишу. Тебе не

обязательно подниматься.

Глеб усмехнулся, расстегивая пуговицу пиджака. – Обязательно, Алиса. Я хочу посмотреть, где рос мой сын. И я хочу убедиться, что ты не выпрыгнешь в окно с ребенком на руках.

Он вышел первым. Обошел машину, открыл мне дверь. Соседка с первого этажа, гулявшая с собачкой, застыла с открытым ртом, глядя на эту сцену. Я опустила голову, пряча глаза. Пусть думают что хотят. Пусть думают, что я нашла богатого любовника. Это лучше, чем правда.

Мы вошли в лифт. Глеб оглядывал кабину с брезгливым интересом. – Неплохой район. Но безопасность – дыра. Охрана на въезде куплена за блок сигарет. Консьерж спит. Любой киллер прошел бы сюда за две минуты.

– Нас никто не хотел убить, Глеб. До твоего появления.

– Это ты так думаешь. Ты ходила по краю, Алиса. Мать-одиночка с бизнесом и деньгами – идеальная мишень.

Лифт звякнул. Мы подошли к моей двери. Мои руки дрожали так сильно, что я трижды не попала ключом в скважину. Глеб молча забрал у меня ключи. Открыл сам. Уверенно, по-хозяйски.

– Алиса Андреевна? – голос няни, Ирины Витальевны, прозвучал из глубины квартиры. – Вы рано! Миша мультики смотрит, я ему оладушек...

Она вышла в прихожую и застыла, вытирая руки о фартук. Ее глаза округлились при виде Глеба. Огромный, мрачный

мужчина в дорогом костюме, который заполнил собой все пространство нашей уютной, светлой прихожей.

– Здравствуйте... – пролепетала она.

– Собирайтесь, Ирина Витальевна, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Вы сегодня свободны. И завтра тоже. Я... я позвоню вам позже насчет графика.

– Но... карантин? – она растерянно перевела взгляд на меня.

– Карантин отменяется. Мы уезжаем.

Глеб прошел мимо няни, даже не удостоив её взглядом. Он снял туфли. Я поморщилась. Видеть его носки на моем пушистом коврике было физически неприятно. Это было вторжение. Изнасилование моего пространства.

Он медленно пошел по квартире. Гостиная. Кухня. Он трогал вещи. Провел рукой по спинке дивана. Поднял с полки книгу, которую я читала. Взял в руки пульт от телевизора. Он метил территорию. Он впитывал атмосферу, пытаясь понять, как мы жили эти годы. Его лицо оставалось непро- ницаемым, но я видела, как напряжены его плечи.

– Где он? – спросил Глеб, не оборачиваясь.

– В детской, – я преградила ему путь. – Глеб, послушай. Пожалуйста. Не пугай его. Он помнит тебя. Он помнит, что ты "злой дядя". Если ты сейчас начнешь качать права – он замкнется. Будь... мягче.

Глеб посмотрел на меня сверху вниз. – Я умею общаться с детьми, Алиса. Отойди.

Он мягко отодвинул меня в сторону. Подошел к двери с табличкой "Комната Супергероя". Толкнул её.

Я затаила дыхание.

В комнате работал телевизор. На ковре, в окружении деталей Лего, сидел Миша. Он был в пижаме с динозаврами, взъерошенный, домашний. Услышав скрип двери, он обернулся.

– Мам, я построил... – он осекся.

Улыбка сползла с его лица. Глаза расширились. Он узнал его. Мгновенно. Миша вскочил на ноги, отступая к окну. Он схватил с пола пластиковый меч – свое единственное оружие.

– Ты! – звонко крикнул он. – Уходи! Я вызову полицию!

Я бросилась в комнату, опережая Глеба. – Миша, солнышко, тише! Все хорошо!

Я упала перед сыном на колени, обнимая его, чувствуя, как его маленькое тельце дрожит от напряжения. – Это... это дядя Глеб. Он не злой. Мы просто... мы просто поругались вчера. Помнишь, я говорила, что взрослые иногда ссорятся?

Миша смотрел поверх моего плеча на Глеба. Исподлобья. Волчонком. – Он обидел тебя, – упрямо сказал сын. – Он кричал. И он папа того мальчика, который обзывался.

Глеб стоял в дверях. Его руки висели вдоль тела, кулаки сжимались и разжимались. Я видела, как ему больно. Его собственный сын смотрел на него как на врага. Это было справедливо. Но от этого не становилось легче.

Глеб сделал шаг вперед. Медленно. Он опустился на одно колено, чтобы быть на уровне глаз ребенка. Теперь они были друг напротив друга. Два Арских.

– Привет, Михаил, – сказал Глеб. Его голос звучал удивительно спокойно. Глубоко. Без металла. – Ты прав. Я вел себя плохо. Я пришел извиниться.

Миша недоверчиво нахмурился. – Мужчины не кричат на женщин, – выдал он фразу, которую я повторяла ему тысячу раз.

Глеб кивнул. Серьезно, без тени улыбки. – Верно. Настоящие мужчины защищают женщин. Я забыл об этом правиле. Но я хочу исправиться.

Он полез во внутренний карман пиджака. Миша напрягся, подняв меч. Но Глеб достал не оружие. Он вынул маленькую модельку машины. Коллекционный *Aston Martin* 1964 года. Металлический, тяжелый, серебристый. – Я слышал, ты любишь машины. У меня тоже есть коллекция. Это тебе. В знак примирения.

Миша скосил глаза на машинку. В нем боролись страх и детский интерес. *Aston Martin* был крутым. У него открывались дверцы и капот.

– Я не беру подарки у чужих, – буркнул он, но меч опустил.

– А я не чужой, – тихо сказал Глеб. Он посмотрел мне в глаза, и в этом взгляде я прочитала предупреждение. – Я... старый друг твоей мамы. Мы давно не виделись. Но теперь

я хочу вам помочь.

– Помочь? – Миша перевел взгляд на меня. – Мам, нам нужна помощь?

Я сглотнула комок в горле. – Да, малыш. Дядя Глеб предложил нам... пожить у него. В большом доме. Там безопасно. И там много места для твоих Лего.

– А наш дом? – Миша обвел взглядом комнату.

– Наш дом останется здесь. Мы просто поедem в гости. Надолго.

Миша подумал. Потом медленно подошел к Глебу и взял машинку. – Ладно. Но если ты снова обидишь маму, я тебя ударю. Сильно.

Глеб улыбнулся. Впервые за день его улыбка коснулась глаз. – Договорились, боец. Если обижу – бей. Я не сдам сдачи.

Сборы были лихорадочными. Глеб дал мне час. – Бери только самое необходимое. Остальное купим. Или пришлю людей забрать позже.

Я кидала вещи в чемоданы, не разбирая. Белье, документы, любимый плед Миши, аптечка (у него аллергия на цитрусовые, надо не забыть), мой ноутбук. Я чувствовала себя беженкой. Я покидала свою жизнь, оставляя её законсервированной.

Глеб все это время сидел в гостиной, наблюдая за Мишей, который показывал ему свою железную дорогу. Они не разговаривали, но Глеб смотрел на сына с такой жадностью,

словно пытался запомнить каждое его движение.

— Мы готовы, — сказала я, выкатывая два чемодана в прихожую.

Глеб встал. — Охрана заберет вещи. Идем.

Мы спустились вниз. Садиться в машину было еще страшнее, чем в первый раз. Теперь мы были втроем. Глеб настоял, чтобы я села сзади, а Мишу посадили в детское кресло, которое уже установили рядом со мной. Сам Глеб сел с другой стороны от ребенка. Миша оказался буфером между нами. Или заложником.

Машина тронулась. Миша, утомленный эмоциями и новой игрушкой, быстро начал клевать носом. Через десять минут он уже спал, прижимая к груди серебристый *Aston Martin*.

В салоне повисла тишина. Глеб смотрел на спящего сына. Он протянул руку и осторожно поправил сбившийся ремень безопасности. Его пальцы задержались на плече мальчика.

— Он чудо, — прошептал Глеб.

Я отвернулась к окну, чтобы он не видел моих слез. — Он мой, Глеб. Не забывай об этом.

— Наш, — поправил он. — Привыкай к этому местоимению, Алиса. Наш.

Мы выехали за МКАД. Рублево-Успенское шоссе. Дорога королей. Высокие заборы, за которыми прятались дворцы, сосны, упирающиеся в низкое свинцовое небо. Дождь усилился. Капли барабанили по крыше *Maybach*, создавая ил-

люзию уюта, которого не было.

Машина свернула в элитный поселок "Барвиха Luxury Village". КПП с вооруженной охраной. Шлагбаум поднялся, приветствуя хозяина. Мы ехали по идеально асфальтированной дороге, петляющей среди вековых елей.

– Приехали, – сказал Глеб.

Впереди показался дом. Нет, это был не дом. Это был замок. Современный, в стиле Райта, из темного камня, стекла и дерева. Огромный, распластанный по участку, хищный. Он светился огнями, но этот свет был холодным. Ворота медленно разъехались, пропуская нас внутрь периметра.

Сердце у меня упало. Забор высотой в четыре метра. Камеры на каждом столбе. Охрана с собаками по периметру. Это не дом. Это тюрьма строгого режима с пятизвездочным сервисом. Отсюда не сбежишь.

Машина остановилась у парадного входа. Водитель открыл дверь. Глеб вышел первым. Обошел машину, открыл дверь с моей стороны.

– Миша спит, – прошептала я. – Не буди его.

Глеб кивнул. Он наклонился в салон, отстегнул ремни детского кресла. И легко, как пушинку, поднял спящего сына на руки. Миша завозился, уткнулся носом в шею отца, бормоча что-то во сне. Его маленькая рука инстинктивно ухватилась за лацкан дорогого пиджака Глеба, сминая безупречную ткань.

Глеб замер. Я видела, как по его телу прошла дрожь. Он

стоял под дождем, держа на руках своего сына – того самого, которого пять минут назад считал "ошибкой Волкова", – и не мог сделать вдох. Это был момент истины. Химия крови. Зов природы. Называйте как хотите. Но в эту секунду Глеб Арский перестал быть просто бизнесменом. Он стал отцом.

Он медленно поднес руку к голове Миши, прикрывая его от дождя широкой ладонью. Этот жест был таким бережным, таким... собственническим, что у меня защемило сердце. Я хотела вырвать сына из его рук. Закричать: "Не трогай! Ты не заслужил!". Но я молчала. Потому что дождь усиливался, а Мише нужно было в тепло. И потому что я понимала: я больше не контролирую ситуацию.

– Идем, – хрипло сказал Глеб.

Он развернулся и пошел к дому. Я поплелась следом, таща свою сумку, чувствуя себя тенью в собственном кошмаре.

Парадные двери – массивный дуб и стекло – распахнулись перед нами автоматически. Мы вошли в холл. Пространство обрушилось на меня своей монументальностью. Потолки высотой в два этажа, мраморный пол, в котором отражалась огромная хрустальная люстра, свисающая сверху, как застывший водопад. Здесь было тихо. Стерильно. Холодно. Это был не дом. Это был музей амбиций.

Нас встречали. У лестницы выстроился персонал. Дворецкий в ливрее (серьезно? в двадцать первом веке?), две горничные в униформе, охранник. Они стояли, опустив глаза, не смея взглянуть на хозяина.

– Глеб Викторович, – дворецкий сделал шаг вперед. – Комнаты подготовлены, как вы приказали. Ужин будет подан через полчаса.

– Свободны, – бросил Глеб, не останавливаясь.

Он прошел мимо них, неся Мишу как драгоценный трофей, как священный Грааль. Персонал провожал его взглядами, полными шока. Они никогда не видели "Хозяина" с ребенком на руках.

Мы поднялись на второй этаж по широкой лестнице с коваными перилами. Коридор казался бесконечным. Двери, двери, двери. Сколько здесь комнат? Десять? Двадцать? Глеб толкнул одну из них ногой.

– Сюда.

Я вошла следом. Комната была просторной, оформленной в светло-серых тонах. Огромная кровать, панорамное окно с видом на сосновый лес, пушистый ковер. Слишком взрослая для пятилетнего ребенка. Слишком безлика.

Глеб подошел к кровати, осторожно опустил Мишу на покрывало. Снял с него кроссовки. Укрыл пледом. Он стоял над спящим сыном, засунув руки в карманы брюк, и смотрел. Просто смотрел. В полумраке комнаты его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах горел странный, лихорадочный огонь.

– Он спит крепко, – тихо сказал Глеб. – Весь в меня. Меня пушкой не разбудишь, если я вымотался.

– Он устал, Глеб. У него был тяжелый день. Драка, пере-

езд, новый "дядя"... — я выделила последнее слово с ядом.

Глеб наконец оторвал взгляд от сына и посмотрел на меня. — Дядя. Пока что.

Он кивнул на соседнюю дверь. — Твоя комната смежная. Через ванную. Будешь рядом.

— Какая щедрость, — фыркнула я. — А решетки на окнах есть? Или цепь прикуют к батарее?

Он шагнул ко мне. В тишине комнаты звук его шагов по ковру был неслышным, но я чувствовала приближение угрозы кожей. Глеб остановился в полуметре.

— Прекрати язвить, Алиса. Тебе это не идет. Ты в моем доме. Мой сын в моем доме. Ты получила то, что хотела — безопасность для ребенка.

— Я хотела спокойной жизни! А не золотой клетки с маньяком во главе!

— Спокойная жизнь закончилась в тот момент, когда ты решила скрыть от меня беременность, — его голос стал жестким. — Теперь привыкай к новой реальности.

Он протянул руку и коснулся пряди моих волос, выбившейся из хвоста. Я дернулась, но он не убрал руку. Накрутил локон на палец, слегка потянул, заставляя меня поднять голову и смотреть ему в глаза.

— Ужинаем через двадцать минут. Приведи себя в порядок. Смой эту маску "бизнес-леди". Я хочу видеть Алису. Ту, которую я помню.

— Той Алисы больше нет, — прошептала я. — Ты убил её

пять лет назад на крыльце под дождем.

– Посмотрим, – он отпустил мой локон. – Воскрешение мертвых – мой профиль.

Он развернулся и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна. В чужом доме. В чужой комнате. Я подошла к кровати, где спал Миша. Погладила его по теплой щеке. – Прости меня, маленький, – прошептала я. – Мама попала в капкан. Но мама выберется. Обещаю.

Я огляделась. На комод стояла ваза со свежими белыми розами. Мои любимые. Он помнил? Или это совпадение? Рядом лежала коробка. Новый *iPhone* последней модели и *MacBook*. Моя техника осталась в машине. Он заменил всё. Полный контроль. В этом телефоне наверняка стоит жучок. В ноутбуке – кейлоггер. Он будет знать каждый мой шаг, каждое слово, каждый поисковый запрос.

Я подошла к окну. Двор освещался прожекторами. По периметру ходил охранник с овчаркой. Забор был высоким, метра четыре. Сверху – колючая проволока? Нет, датчики движения. Бежать некуда.

Внезапно мое внимание привлекло движение в другом крыле дома. Окна там были темными, но в одном из них на секунду мелькнул свет. Кто-то стоял за шторой и смотрел на нас. Маленькая фигура. Ребенок.

Артем? Я прижалась лбом к стеклу, пытаюсь разглядеть силуэт. Да. Это был мальчик. Примерно ровесник Миши. Он

стоял неподвижно, глядя на наши окна. В его позе не было детского любопытства. Была... настороженность? Одиночество?

Штора резко дернулась и закрылась. Свет погас.

Холод пробежал по спине. "Он не будет проблемой", – сказал Глеб. Но я нутром чувствовала: этот мальчик – проблема. И он здесь. В этом же доме. Сын другой женщины, который считает Глеба своим отцом. Завтра они встретятся. Миша и Артем. Два брата, которые не знают о родстве. Два наследника империи. Искры полетят такие, что сгорит весь этот элитный поселок.

Дверь в мою комнату открылась без стука. На пороге стояла женщина в строгом сером платье. Экономка? – Алиса Андреевна, – ее голос был сухим, как осенний лист. – Глеб Викторович ожидает вас в столовой. Прошу следовать за мной.

Я бросила последний взгляд на темное окно, где скрывался Артем. – Иду.

Я вышла в коридор. Дверь моей комнаты захлопнулась с тяжелым, плотным звуком. Щелк. Золотая клетка закрылась. Игра началась.

Глава 3. Ужин с дьяволом

Щелчок замка прозвучал как выстрел в висок.

Я стояла посреди чужой комнаты, прижимая ладони к груди, пытаюсь унять сердцебиение, которое, казалось, вот-вот сломает ребра. Тишина особняка давила на перепонки. Это была не та уютная тишина, что живет в моем пентхаусе на Воробьевых, когда Миша спит, а за окном гудит город. Нет. Это была мертвая, вакуумная тишина склепа, где даже воздух казался стерильным и профильтрованным через фильтры из платины.

Я медленно разжала пальцы. На коже остались белые следы от ногтей. Дыши, Алиса. Ты в тылу врага. Паника – это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Паника делает тебя слабой, а слабых Глеб Арский ест на завтрак, не поперхнувшись.

Я подошла к двери, ведущей в смежную комнату. Нажала на ручку. Она подалась мягко, бесшумно. Я приоткрыла створку на пару сантиметров. В полумраке детской, освещенной лишь сиянием ночника в виде луны (откуда он знал, что Миша боится темноты?), я увидела силуэт сына на кровати. Он спал, раскинув руки, доверчиво подставив шею невидимому хищнику. Его дыхание было ровным, спокойным.

Он в безопасности. Пока что. Глеб не тронет его. Для Ар-

ского сын – это продолжение его эго, его бессмертие. Он будет пылинки с него сдувать. Угроза здесь только для меня.

Я закрыла дверь так же тихо, как открыла. Повернулась к комнате, которая теперь должна была стать моей тюрьмой. "Приведи себя в порядок", – сказал он. "Я хочу видеть Алису".

Я подошла к гардеробной. Двери из матового стекла разошлись автоматически, стоило мне приблизиться. Внутри зажегся мягкий свет, освещая ряды вешалок. Я замерла на пороге, чувствуя, как холодный ужас ползет по спине липкой змеей.

Это не был пустой шкаф для гостя. Он был полон. Платья. Блузки. Брючные костюмы. Кашемировые джемперы. Все – моего размера. Все – в моей цветовой гамме: пастель, серый, глубокий синий, белый. Никаких кричащих цветов. Никакого дешевого полиэстера. Только шелк, шерсть, хлопок высшей пробы. Бренды, которые я носила. *Max Mara, Loro Piana, Brunello Cucinelli*.

Я протянула дрожащую руку и коснулась рукава шелковой блузки цвета слоновой кости. Ткань была прохладной, текучей. На вешалке висела бирка. Я перевернула её. Размер XS. Мой размер.

Откуда? Он не мог купить это за тот час, пока мы ехали. Значит, это было куплено заранее? Он знал. Он готовился. Он ждал этого момента – момента, когда захлопнет капкан. Или... Страшная догадка пронзила мозг. Я рванула вешалку

на себя, срывая блузку. Заглянула вглубь гардеробной. Там, на полках, лежало белье. Кружевное. Бежевое и черное. *La Perla*. Точно такое же, какое я покупала себе месяц назад.

Он следил за мной. Не просто "наводил справки". Он знал содержимое моего шкафа. Он знал мои привычки. Он знал марку моего крема для лица – я увидела знакомые баночки *Valmont* на туалетном столике. Это был тотальный, маниакальный контроль. Он скопировал мою жизнь и перенес её сюда, в эту золотую клетку, чтобы я не чувствовала разницы. Чтобы я забыла, что я пленница.

Меня затошнило. Физически. Желчь подступила к горлу. Я швырнула блузку на пол. – Будь ты проклят, Арский, – прошипела я.

Я не надену это. Я не надену то, что он выбрал. Я не буду играть в его куклы. Я метнулась к своему чемодану, который сиротливо стоял у входа. Охранники занесли его, но не распаковали. Рванула молнию. Мои вещи. Мои, купленные на мои деньги, пахнущие моим домом и моим парфюмом, а не этой стерильной мертвечиной.

Я вытащила черное платье-футляр. Строгое. Глухое. Никаких декольте, никаких разрезов. Длина – ниже колена. Ткань плотная, как броня. Это платье я надевала на похороны отца. Идеальный выбор для ужина с человеком, который убил мою душу.

Я сбросила белый костюм, в котором была на тендере. Он казался мне грязным после взглядов Глеба. В ванной комна-

те – огромной, отделанной белым мрамором, с джакузи размером с бассейн – я умылась ледяной водой. Смыла макияж. Весь. Никакого тона. Никакой туши. Никакой помады. Я смотрела в зеркало на свое бледное лицо с темными кругами под глазами. На заострившиеся скулы. На плотно сжатые губы, потерявшие цвет. В глазах – лед.

Ты хотел видеть Алису? Настоящую? Получай. Без маски "успешной леди". Без маски "соблазнительной женщины". Только голая правда. Усталая, злая, ненавидящая мать, у которой украли свободу.

Я собрала волосы в тугий пучок на затылке, стянув их так, что кожа на висках натянулась до боли. Эта боль помогала мне сосредоточиться. Вышла из ванной. Надела черное платье. Оно село как влитое, сковывая движения, заставляя держать спину неестественно прямо. Как натянутая струна.

Взгляд упал на часы на стене. Двадцать минут истекли. Он не любит ждать.

Я подошла к двери. Положила ладонь на ручку. Металл охлаждал кожу. За этой дверью – неизвестность. Там – Глеб. Там – Артем, мальчик-призрак, которого я видела в окне. Там – ответы на вопросы, которые я боялась задать.

Я сделала глубокий вдох, задерживая воздух в легких, словно перед погружением в ядовитую среду. Толкнула дверь. И шагнула в коридор.

Коридор второго этажа был похож на галерею современного искусства, из которой выгнали всех посетителей. Сте-

ны обшиты панелями из темного ореха. На полу – ковер с таким густым ворсом, что мои шаги тонули в нем беззвучно. Свет исходил от встроенных в пол светильников, отбрасывая длинные, пугающие тени на потолок.

Я шла вперед, чувствуя себя героиней готического романа, которая спускается в подземелье к Синей Бороде. Тишина была абсолютной. Ни звука телевизора, ни шума воды, ни голосов. Где прислуга? Где охрана? Дом казался вымершим.

Я дошла до лестницы. Сверху холл первого этажа выглядел как шахматная доска. Черный и белый мрамор. Я начала спускаться, держась за холодные перила. Каждая ступенька давалась с усилием. Ноги были ватными, но я заставляла их двигаться. *Раз. Два. Три.*

Внизу, в центре холла, стоял тот самый дворецкий. Он ждал меня. Стоял неподвижно, как статуя, глядя перед собой. Когда я спустилась, он слегка поклонился.

– Прошу вас, мадам. Ужин подан в малой столовой.

Мадам. Меня передернуло. – Я Алиса Андреевна, – поправила я его холодно.

– Прошу, Алиса Андреевна, – он не моргнул глазом. Профессионал. Или робот.

Он повел меня через анфиладу комнат. Мы прошли мимо огромной гостиной с камином, в котором не было огня. Мимо библиотеки, где корешки книг, казалось, никогда не видели человеческих рук. Все здесь было безупречным. Дорогим. И мертвым.

На стенах висели картины. Абстракции. Геометрические формы, рваные линии, мрачные цвета. Красный, черный, серый. Никаких пейзажей. Никаких портретов. Вкус Глеба изменился. Раньше он любил импрессионистов. Раньше в нашем доме висели "Кувшинки" Моне (репродукция, конечно, но качественная). Теперь его окружал хаос, заключенный в рамы.

Дворецкий остановился перед высокими двустворчатыми дверями. Распахнул их передо мной. В нос ударил запах. Жареное мясо. Розмарин. Чеснок. Дорогое вино. Мой желудок скрутило спазмом. Я не ела со вчерашнего вечера, но сейчас мысль о еде вызывала только тошноту.

Я вошла.

Малая столовая оказалась не такой уж малой. Стол из массива дуба, человек на шесть. Стены обиты тканью цвета бургунди. Тяжелые портьеры закрывали окна, отрезая ночь. Освещение было приглушенным. Свечи. Длинные белые свечи в серебряных канделябрах. Живой огонь плясал на сквозняке, отбрасывая блики на хрусталь бокалов.

Глеб сидел во главе стола. Он переоделся. Официальный костюм сменился на темно-синий кашемировый джемпер и черные джинсы. Это делало его... домашним? Нет. Это делало его еще более опасным. В костюме он был бизнесменом, скованным правилами этикета. В этой одежде он был хищником в своей норе. Расслабленным, сильным, готовым к броску.

Услышав мои шаги, он поднял голову. В его руке был бокал с виски. Янтарная жидкость плескалась на дне, омывая кубики льда.

Глеб посмотрел на меня. Его взгляд скользнул по моему черному платью, по наглухо застегнутому вороту, по лицу без макияжа, по стянутым волосам. Я ждала разочарования. Ждала, что он скажет: "Что за вид? Ты похожа на монашку".

Но он промолчал. Его глаза потемнели. Он медленно поставил бокал на стол. В этом взгляде не было разочарования. В нем был голод. Такой откровенный, густой и липкий, что мне захотелось прикрыться руками. Он смотрел на меня так, словно хотел сорвать эту черную броню зубами.

– Черный, – произнес он наконец. Его голос был низким, вибрирующим. – Цвет траура?

– Цвет реальности, – ответила я, останавливаясь у противоположного конца стола. – Я хороню свою свободу, Глеб. Имею право на дресс-код.

Он усмехнулся. Уголок его рта дернулся вверх. – Ты драматизируешь, Лиса. Свобода – это иллюзия. Ты никогда не была свободна. Ты была рабом обстоятельств, денег, страха за сына. Здесь ты получишь настоящую свободу. Свободу от проблем.

– Свободу канарейки в клетке? – я взялась за спинку стула. Дворецкий тут же материализовался рядом, чтобы отодвинуть его, но я отмахнулась. – Я сама.

Я села. Жесткий стул. Прямая спина. Руки на коленях. На

столе передо мной стояла тарелка из тончайшего фарфора с золотой каймой. Приборы сияли серебром. В центре стола дымилось блюдо. Стейки. Рибай, судя по запаху. С кровью. Символично.

– Вина? – спросил Глеб, беря бутылку *Chateau Margaux*.

– Воды, – отрезала я.

Он не стал спорить. Налил мне воды из хрустального графина. Себе плеснул вина. – Ешь, – кивнул он на тарелку, где уже лежал кусок мяса. – Ты похудела. Тебя ветром качает. Моему сыну нужна здоровая мать.

– Твоему сыну нужна счастливая мать, а не запуганное животное.

Я взяла вилку. Металл звякнул о фарфор. – Глеб, – я подняла на него глаза. – Где он?

Глеб замер с бокалом у губ. – Кто?

– Ты знаешь кто. Мальчик. Твой второй сын. Артем.

Тишина в комнате сгустилась. Свечи, казалось, стали гореть тусклее. Глеб медленно опустил бокал. Его лицо, только что расслабленное, снова превратилось в каменную маску.

– Я сказал тебе в офисе, – произнес он ледяным тоном. – Артем – не твоя проблема.

– Он живет в этом доме, – я подалась вперед. – Я видела его в окне. В правом крыле. Он смотрел на нас. Глеб, ты привез меня и Мишу сюда, но здесь есть другой ребенок! Ты хочешь столкнуть их лбами? Ты хочешь травмировать обоих?

– Артем не выходит из своего крыла, – отрезал Глеб. –

У него... свои правила. Свой режим. Он не пересечется с Мишей.

– Не выходит? – меня кольнуло нехорошее предчувствие. – Почему? Он болен? Он под замком? Что ты с ним сделал?

Глеб сжал ножку бокала так, что я испугалась, что она хрустнет. – Я ничего с ним не сделал. Закрыли тему, Алиса. Это мое последнее предупреждение. Не лезь в это. Занимайся Мишей. Занимайся собой. В правое крыло вход воспрещен. Дверь туда закрыта на электронный замок. Код знаю только я и охрана.

– Ты держишь ребенка в карцере? – прошептала я в ужасе. – Господи, ты чудовище...

– Я делаю то, что должен! – рявкнул он, ударив ладонью по столу. Приборы подпрыгнули. Вино в его бокале выплеснулось на скатерть кровавым пятном.

Я вздрогнула, вжимаясь в спинку стула. Глеб тяжело дышал. Его глаза метали молнии. – Ты ничего не знаешь, – прошипел он. – Ничего. Ты судишь о вещах, в которых не смыслишь. Артем... он сложный. Опасный.

– Опасный? – переспросила я. – Пятилетний ребенок?

Глеб посмотрел на меня. В его взгляде промелькнуло что-то странное. Усталость? Отчаяние? – Ему пять. Да. Но он... другой. Не такой, как Миша. Миша – свет. А Артем...

Он не договорил. Замолчал, отвернувшись к камину (пустому, черному зеву). – Просто держись оттуда подальше, –

сказал он глухо. – Ради безопасности Миши. И своей собственной.

Я смотрела на него и понимала: он боится. Великий и ужасный Глеб Арский боится пятилетнего мальчика, запертого в правом крыле. Что там происходит? Кто мать этого ребенка? Почему он "опасен"? Тайна висела в воздухе, плотная, как дым.

– Хорошо, – тихо сказала я. – Я не полезу туда. Но если этот твой "опасный" ребенок приблизится к Мише... я за себя не ручаюсь.

– Не приблизится, – Глеб залпом допил виски. – Ешь. Мясо стынет.

Я посмотрела на стейк. Он истекал красноватым соком. Я отрезала кусочек. Положила в рот. Вкуса не было. Будто я жевала картон. Но я глотала. Я должна есть. Мне нужны силы. Потому что в этом доме, кроме видимого врага – Глеба, был еще и невидимый. Призрак в правом крыле.

Внезапно где-то вдалеке, в глубине дома, раздался звук. Глухой. Тяжелый. Как будто что-то упало. Или... кто-то ударил в стену. Раз. Два. Три.

Я замерла с вилкой у рта. – Что это?

Глеб даже не вздрогнул. Он спокойно резал свое мясо. – Ветер, – сказал он, не поднимая глаз. – Вентиляция шумит. Старый дом.

– Этому дому три года, Глеб. Какая вентиляция? Это был стук.

– Ешь, Алиса.

Он поднял на меня взгляд. И в этом взгляде было столько холодной угрозы, что я поняла: вопросы кончились. Начались приказы.

Звук больше не повторялся. Но я знала, что это был не ветер. Кто-то стучал. Изнутри.

Я проглотила кусок мяса, чувствуя, как он камнем падает в желудок. Добро пожаловать в ад, Алиса. Здесь кормят стейками, одевают в шелка, а за стеной кто-то бьется в закрытую дверь.

– Завтра утром, – сказал Глеб, меняя тему так резко, словно переключил канал. – К тебе приедут стилисты. Подготовить к пресс-конференции.

– Какой пресс-конференции? – я чуть не подавилась водой.

– О моем выдвижении. И о нашей помолвке.

Я выронила вилку. Она с грохотом упала на тарелку. – Помолвке? Ты с ума сошел? Мы даже не... мы ненавидим друг друга!

– Публике плевать на наши чувства. Им нужна история. "Миллиардер вернул свою первую любовь и узнал о сыне". Это бомба, Алиса. Рейтинги взлетят до небес. Мы объявим, что расстались из-за трагической ошибки, но любовь победила годы разлуки. Кольцо я уже заказал.

– Я не надену твое кольцо. Я уже носила одно. Оно сожгло мне палец.

– Наденешь, – он улыбнулся. Той самой улыбкой акулы. – Потому что если не наденешь... Миша узнает, что его мама не хочет жить с папой. А дети так чувствительны к разладу в семье.

Шантаж. Снова шантаж. Он использовал сына как рычаг давления. Я смотрела на него и чувствовала, как ненависть, горячая и чистая, заполняет каждую клетку моего тела.

– Я ненавижу тебя, – прошептала я.

– Я знаю, – кивнул он, поднимая бокал с вином. – Это хорошее начало. От ненависти до любви – один шаг. Или одна ночь.

– Не мечтай.

– Я не мечтаю, Алиса. Я планирую.

Он сделал глоток. В этот момент свет в столовой мигнул. Раз. Другой. И погас.

Мы погрузились в полную темноту. Только слабые огоньки свечей выхватывали из мрака лицо Глеба. Он перестал улыбаться. Он резко поставил бокал. – Барс, – сказал он в пустоту, но я поняла, что он говорит в микрофон где-то на одежде. – Что со светом?

Тишина. Ответа не было.

– Барс! – голос Глеба стал жестче.

В темноте коридора слышались шаги. Быстрые. Легкие. Это был не охранник. Охранники ходят тяжело, в берцах. Это были босые ноги. Шлеп-шлеп-шлеп. По мрамору.

Глеб вскочил, опрокидывая стул. – Сиди здесь! – рявкнул

он мне. – Не двигайся!

Он выхватил из-под пиджака пистолет. Пистолет?! Он пришел на ужин с оружием?

Глеб метнулся к двери. В свете свечи я увидела, как в дверном проеме мелькнула маленькая тень. Не выше метра ростом.

– Артем? – выдохнул Глеб, опуская ствол.

Тень хихикнула. Жуткий, высокий, детский смешок, от которого кровь застыла в жилах. И что-то полетело в комнату. Маленький предмет, кувыркаясь в воздухе, упал прямо на белоснежную скатерть, рядом с моей тарелкой.

Я посмотрела. Это была голова. Голова куклы. Барби. С выколотыми глазами и обожженными волосами. Во рту куклы торчала записка.

Глеб рванул к столу, пытаясь перехватить мой взгляд, но я успела прочесть. На клочке бумаги, детским, пляшущим почерком, красным фломастером было написано: *"МАМА УМЕРЛА. ТЫ ТОЖЕ УМРЕШЬ"*.

В темноте обострились все чувства. Запах горелого мяса (свеча упала на скатерть?). Скрежет стула о паркет. Тяжелое дыхание Глеба где-то слева. И тихий, шуршащий звук шагов, удаляющихся вглубь коридора. *Шлеп. Шлеп. Шлеп.*

Я сидела, вцепившись в подлокотники стула так, что ногти впились в обивку. Мое сердце билось где-то в горле, перекрывая доступ кислороду. Голова куклы лежала передо мной. Я не видела её в темноте, но я чувствовала её присут-

ствие. Она излучала холод.

– Глеб... – мой шепот был похож на хрип. – Что это было?

– Тихо! – его голос прозвучал прямо над ухом.

Он двигался бесшумно, как кошка. Я почувствовала тепло его тела рядом с собой. Он закрыл меня собой от дверного проема. В его руке был пистолет. Я слышала металлический щелчок предохранителя.

– Барс! – снова рявкнул он в микрофон. – Какого хрена происходит?!

Тишина. Радиоэфир молчал. Это было невозможно. Охрана Арского – это элита. Бывший спецназ. Они не могли просто исчезнуть. Если только...

– Они отключены, – сказал Глеб, и в его голосе я услышала не страх, а ледяную ярость. – Глушилка. Кто-то врубил подавитель сигнала внутри периметра.

– Артем? – спросила я. – Это он?

Глеб не ответил. Он схватил меня за руку. Рывком поднял со стула. – Идем. Быстро.

– Куда?

– К Мише.

Миша! Меня прошибло током. Мой сын спал наверху. Один. В темноте. А по дому бродило нечто, способное отрезать голову кукле и написать кровью (или фломастером?) угрозу смерти. И это "нечто" знало, где мы.

Я рванула к двери, забыв о каблуках, забыв о платье, скользящем движения. Материнский инстинкт ударил в голо-

ву чистым адреналином. Но Глеб удержал меня.

– Не беги! – прошипел он. – Не вылетай на свет. Если здесь кто-то есть...

– Ты сказал, это Артем! Ребенок!

– Артем не ходит один, – мрачно бросил Глеб. – С ним всегда няня. Или санитар. Если он здесь один – значит, с ними что-то случилось.

Санитар? Слово резануло слух. У пятилетнего ребенка есть санитар? Господи, куда я попала? В психушку? В фильм ужасов?

Мы вышли в коридор. Темнота была абсолютной. Светильники в полу погасли. Аварийное освещение не включилось. Глеб достал из кармана телефон, включил фонарик. Луч света разрезал мрак, выхватив из темноты фрагменты интерьера: угол картины, бронзовую статуэтку, длинную ковровую дорожку, уходящую в черноту.

– Держись за мою спину, – скомандовал он. – Смотри под ноги.

Мы двинулись к лестнице. Каждый шаг отдавался гулким эхом в моем сознании. *Шлеп. Шлеп.* Мне казалось, я снова слышу эти детские шаги. Они были повсюду. Сзади. Сбоку. Сверху.

Вдруг Глеб замер. Луч фонаря скользнул по стене и остановился на уровне метра от пола. Там, на полированной панели из ореха, был рисунок. Красный. Смайлик. Кривой, злобный смайлик с оскаленным ртом, нарисованный чем-то

густым и темным.

Глеб подошел ближе. Провел пальцем по линии. Поднес палец к носу. — Помада, — выдохнул он. — Твоя помада, Алиса.

Я похолодела. Моя косметичка осталась в ванной наверху. В моей комнате. Рядом с комнатой Миши. Значит, он был там. Он заходил в мою спальню. Он был рядом с моим сыном.

— Миша!!! — закричала я, плюнув на конспирацию.

Я оттолкнула Глеба и бросилась к лестнице. Страх за сына отключил все тормоза. Я не думала об оружии, о маньяках, о темноте. Я летела вверх по ступеням, спотыкаясь, падая, раздирая колени о мрамор, но тут же вскакивая.

— Алиса, стой! — кричал Глеб сзади.

Я не слушала. Второй этаж. Коридор. Дверь в детскую была приоткрыта. Из щели лился слабый, голубоватый свет. Ночник-луна работал! Значит, электричество было только внизу? Или это аккумуляторы?

Я ворвалась в комнату. — Миша!

Кровать была пуста. Одеяло откинута. Подушка смята. На простыне лежал *Aston Martin*, подаренный Глебом. А сына не было.

Я застыла. Воздух застрял в горле колючим комом. Нет. Нет, нет, нет.

— Миша! — я метнулась к ванной. Пусто. В гардеробную. Пусто. Под кровать. Пусто.

– Где он?! – я обернулась к Глебу, который влетел в комнату следом за мной, держа пистолет наготове. – Где мой сын?! Ты обещал безопасность! Ты обещал!!!

Я бросилась на него с кулаками, колотя в грудь. – Верни его! Верни мне сына, ублюдок! Это твоя вина! Твой "опасный" выродок забрал его!

Глеб перехватил мои запястья. Жестко. До боли. – Истерику прекратить! – рявкнул он мне в лицо. – Мы найдем его. Он в доме. Периметр закрыт. Отсюда даже мышь не выскочит.

Он отшвырнул меня (бережно, но с силой) на кровать. – Сиди здесь. Запрись. Я иду искать.

– Я пойду с тобой!

– Нет! Ты будешь мешать! Ты шумишь, ты паникуешь!

– Это мой сын! Я зубами перегрызу глотку любому, кто его тронет!

В этот момент в коридоре раздался звук. Смех. Тот же самый. Детский. Звонкий. Безумный. И голос. Тоненький, детский голосок пропел: – *Раз, два, три, четыре, пять... Я иду искать... Кто не спрятался – я не виноват...*

Звук доносился со стороны правого крыла. Того самого, куда Глеб запретил мне входить.

Мы с Глебом переглянулись. В его глазах я увидела настоящий ужас. Не за себя. За Мишу. – Черт, – выдохнул он. – Он увел его туда.

Глеб рванул к двери. Я за ним. – Алиса, назад! – крикнул

он, не оборачиваясь.

– Пошел к черту!

Мы бежали по коридору. Глеб светил фонарем, луч плясал по стенам, выхватывая новые рисунки. Стрелки. Красные стрелки, указывающие путь. Они вели к массивной железной двери в конце коридора. Двери, похожей на вход в банковское хранилище.

Глеб подбежал к панели кодового замка. Экран был тусклым. – Электроника сдохла, – прорычал он. – Он обесточил крыло. Замок заблокирован.

– Выбивай! – крикнула я.

– Это броня, дура! Сюда нужен взрывпакет!

Он начал колотить в дверь кулаком. – Артем! Открой! Немедленно! Это папа! – Открой, сукин сын!

Тишина. А потом из-за двери донесся голос Миши. Плачущий. Испуганный. – Мама! Мамочка! Мне страшно! Он хочет меня постричь!

Меня накрыло красной пеленой. Постричь? Ножницы. Острые предметы. Я вспомнила голову куклы с обожженными волосами.

– Миша! – закричала я, прижимаясь лицом к холодному металлу. – Мама здесь! Ничего не бойся! Отойди от двери!

– Глеб, сделай что-нибудь! – я повернулась к нему. – Ты же Арский! Ты же всемогущий! Ломай эту чертову стену!

Глеб отступил на шаг. Он тяжело дышал. Он сунул пистолет за пояс. – Есть другой путь, – сказал он. – Технический

лаз. Через вентиляцию.

– Где?

– В кладовой. Но там узко. Я не пролезу.

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Я была меньше. Я была худой (спасибо годам голодовки). И я была в отчаянии.

– Показывай, – сказала я.

Кладовая находилась рядом. Глеб сбил замок с решетки вентиляции ударом ноги. Отверстие было узким, квадратным, покрытым слоем пыли. Из него тянуло холодом и сыростью.

– Это воздуховод системы кондиционирования, – быстро говорил Глеб, помогая мне забраться на полку стеллажа. – Он идет прямо в центральный зал правого крыла. Ползи прямо, никуда не сворачивай. Метров десять. Потом будет решетка вниз. Выбьешь её ногами. Высота потолка там три метра. Сгруппируйся при падении.

Он сунул мне в руку фонарик. – Алиса, слушай меня. Артем... он может быть агрессивным. Если у него в руках ножницы или нож... не подходи близко. Отвлеки его. Тяни время. Я сейчас принесу инструменты и вскрыю дверь. Мне нужно пять минут.

– У тебя нет пяти минут, – сказала я, глядя в черный зев трубы. – У Миши их нет.

Я полезла внутрь. Узко. Тесно. Металл охлаждал живот через тонкую ткань платья. Платье задралось, мешало ползти.

Я стиснула зубы и поползла. *Вдох-выдох.* Внутри пахло пылью и чем-то сладковатым. Медикаментами? Эфиром?

Я ползла, сдирая локти и колени. Фонарик в зубах освещал путь – бесконечный жестяной тоннель. Сзади остался свет и Глеб. Впереди была тьма и мой сын.

Голоса стали слышны отчетливее. Звук шел через металл, искажаясь, становясь похожим на голоса демонов.

– ...сиди смирно, а то ушко отрежу, – голос Артема. Ласковый. – Как Ван Гог. Ты знаешь, кто такой Ван Гог? Папа мне книгу дарил. Там дядя без уха. Красиво.

– Я хочу к маме... – всхлипывал Миша.

– У тебя нет мамы. Мама умерла. У всех мамы умирают. Моя умерла. И твоя умрет. Сейчас мы поиграем в парикмахерскую, а потом в доктора. Я буду делать тебе операцию.

Я похолодела. Операцию. Я ускорила темп, хотя легкие горели огнем. Плечи застревали. Я рванулась вперед, чувствуя, как трещит ткань платья. Плевать.

Вот она. Решетка. Сквозь прутья пробивался свет. Здесь, в правом крыле, горели свечи. Много свечей.

Я подползла к решетке. Посмотрела вниз. Подо мной была огромная комната. Игровая? Нет, это было похоже на операционную для кукол. Стены разрисованы. Странные, пугающие рисунки: черные солнца, люди без голов, красные спирали. В центре, на ковре, сидел Миша. Он был привязан к детскому стульчику скакалкой. Его глаза были широко раскрыты от ужаса, по щекам текли слезы.

А вокруг него ходил Артем. Мальчик. Худенький, бледный, с темными кругами под глазами. Он был одет в пижаму, похожую на больничную робу. В руках у него были огромные портновские ножницы. Блестящие, острые.

Он подошел к Мише. Поднес лезвия к его уху. Щелкнул металлом.

– Не дергайся, братик, – прошептал он. – Будет больно, но весело.

– АРТЕМ!!! – заорала я в вентиляцию.

Звук, усиленный жестью трубы, прогремел как глас божий. Артем вздрогнул, выронив ножницы. Они упали в сантиметре от ноги Миши, воткнувшись острием в ковер. Оба мальчика задрали головы вверх.

– Мама! – закричал Миша.

Я перевернулась на спину. Уперлась ногами в решетку. Удар. Еще удар. Старые крепления (или халтура строителей?) поддались. Решетка с грохотом вывалилась вниз. Я выдохнула и прыгнула следом.

Полет длился долю секунды. Я приземлилась на ноги, как учил Глеб, но тут же упала, подвернув лодыжку. Боль пронзила ногу, но я вскочила, игнорируя её.

Артем стоял в трех метрах от меня. Он смотрел на меня не со страхом. С любопытством. Его глаза... Господи, его глаза. Они были пустыми. Абсолютно черными, как у Глеба в момент ярости, но без эмоций. Стекланные глаза куклы.

– Ты кто? – спросил он, наклонив голову набок. – Ты ангел

смерти? Ты пришла забрать меня?

– Я пришла забрать своего сына! – я бросилась к Мише, лихорадочно развязывая узлы скакалки. – Миша, ты цел? Он тебя не порезал?

– Мамочка... – Миша вцепился в меня, рыдая.

Я освободила его. Прижала к себе. Теперь мы были вдвоем против одного маленького психопата с ножницами. Я подняла глаза. Артем снова поднял ножницы с пола.

– Нечестно, – сказал он капризно. – Это моя игрушка. Папа подарил мне братика. Он мой.

– Он не твой! – прорычала я. – Отойди! Брось ножницы!

– Нет, – он улыбнулся. И эта улыбка была страшнее всего, что я видела в жизни. – Ты плохая тетя. Ты кричишь. Папа не любит, когда кричат. Папа наказывает.

Он шагнул к нам. Я задвинула Мишу себе за спину. Огляделась в поисках оружия. Ничего. Только мягкие игрушки (разорванные) и кубики. Рядом стоял тяжелый торшер. Я схватила его за ножку, выставив вперед как копье.

– Не подходи! – предупредила я. – Я ударю!

Артем рассмеялся. – Ты не ударишь. Взрослые не бьют детей. Это правило.

Он знал. Он знал, что он неприкасаемый. Он сделал выпад. Ножницы чиркнули по воздуху перед моим лицом. Этот ребенок... он умел драться? Его движения были быстрыми, резкими. Не хаотичными.

– Артем, стой! – я пыталась говорить спокойно, но голос

срывался. – Где твой папа? Где Глеб?

– Папа занят. Папа строит империю, – он процитировал чью-то фразу с интонацией взрослого. – А мы играем. Давай я вырежу тебе глазки? У куклы красивые глазки, но они не смотрят.

Он прыгнул. Я едва успела увернуться, толкнув Мишу в сторону. Лезвие ножниц рассекло рукав моего платья, царапнув кожу плеча. Больно. Кровь. Реальная кровь.

Это не игра. Он убьет нас. Пятилетний монстр.

Я замахнулась торшером. Я должна ударить. Я должна вырубить его. Но рука замерла. Это ребенок. Сын Глеба. Брат Миши. Я не могла.

В этот момент дверь с грохотом слетела с петель. В облаке пыли и щепок в комнату ворвался Глеб. В руках у него был лом.

– АРТЕМ!!! – его рев был страшнее любого зверя.

Артем замер. Обернулся. Увидев отца, он выронил ножницы. Его лицо мгновенно изменилось. Исчезла маска маньяка. Появилось выражение испуганного, несчастного ребенка. Он закрыл лицо руками и сел на пол, сжавшись в комок.

– Папа, не бей! Папа, я хороший! Я просто играл!

Глеб отшвырнул лом. Он подбежал к нам. Не к Артему. К нам. Он схватил меня за плечи, бешеным взглядом осматривая меня и Мишу. – Целы? Кровь? Чья кровь?!

– Моя... царапина... – я тяжело дышала, прижимая к себе

Мишу. — Глеб... он... он хотел...

Глеб повернулся к Артему. Мальчик сидел на полу и раскачивался из стороны в сторону, тихо подвывая. — Мама умерла... Мама умерла...

Глеб подошел к нему. Я ждала, что он ударит его. Или обнимет. Но он сделал то, чего я не ожидала. Он достал из кармана шприц-тюбик (армейский?). Снял колпачок. И без колебаний воткнул иглу в плечо Артема. Через пижаму.

Артем вскрикнул. И тут же обмяк, оседая на ковер тряпичной куклой.

Я смотрела на это в оцепенении. Он усыпил собственного сына? Шприцем? Как бешеную собаку?

Глеб поднял обмякшее тело Артема на руки. Повернулся ко мне. Его лицо было серым. Старым. В глазах стояли слезы.

— Уходи, — сказал он тихо. — Уводи Мишу. В свою комнату. Запрись.

— Глеб... что это? Кто он?

— Это моя плата, — ответил он, глядя на бесчувственного ребенка на своих руках. — За грехи. Мои и... Инги.

Инги. Имя прозвучало как проклятие.

— Иди! — рявкнул он. — Пока действие препарата не кончилось. Завтра... завтра я все объясню. Если смогу.

Я подхватила Мишу на руки (откуда взялись силы?) и побежала к выходу. Через выбитую дверь. Через темный коридор. Прочь от этого кошмара.

Но в голове билась одна мысль. Он сказал "Инги". Инга – его бывшая невеста. Та самая, с которой он был после меня. Что она сделала с этим ребенком? Или... что они сделали с ним оба?

Коридор, казалось, пульсировал в такт моему бешеному сердцебиению. Стены сжимались, потолок давил, тени от редких аварийных ламп тянули ко мне свои длинные, искривленные пальцы.

Я бежала, не чувствуя ног. Миша, прижавшийся к моей груди, казался невесомым. Адреналин превратил меня в стальной трос, натянутый до предела. Я не слышала своего дыхания, не чувствовала жжения в легких. В ушах стоял только один звук – звон металла о металл. Ножницы, падающие на пол.

Щелк. Звук лезвий у детского ушка. Этот звук теперь будет преследовать меня в кошмарах до конца дней.

Я влетела в нашу спальню. Ударом ноги захлопнула дверь. Замок? Где чертов замок? Я повернула вертушку. Щелчок показался мне смехотворно тихим, ненадежным. Что такое этот язычок металла против того безумия, которое живет в правом крыле?

Я опустила Мишу на кровать. Он молчал. Это пугало больше всего. Он не плакал, не кричал, не звал маму. Он сидел, поджав ноги, и смотрел в одну точку на стене. Его зрачки были расширены, губы побелели. Шок.

– Миша... – я упала перед ним на колени, хватая его ма-

ленькие ладошки в свои. Они были ледяными. — Маленький, посмотри на меня. Ты здесь. Ты со мной. Никто тебя не тронет.

Он медленно перевел взгляд на меня. — Тот мальчик... — прошептал он едва слышно. — У него были пустые глаза. Как у рыбы в магазине.

Меня передернуло. Рыбы глаза. Глаза куклы. Артем. Я вспомнила, как Глеб вонзил иглу в плечо собственного сына. Без колебаний. С отработанной точностью палача.

— Забудь, — я начала стягивать с Миши пижаму. Она пахла пылью вентиляции и чем-то сладким, тошнотворным. Запахом той "операционной". — Мы сейчас смоем все это. Мы забудем это как страшный сон.

Я потащила его в ванную. Включила воду на полную мощь. Шум струи немного заглушил тишину дома, которая теперь казалась мне зловещей, затаившейся перед прыжком. Я раздела сына, посадила его в теплую воду. Начала намыливать губку. Мои руки тряслись так, что пена летела во все стороны.

Взгляд упал на зеркало. Я увидела себя. Растрепанные волосы, выбившиеся из пучка. Грязь на щеке. Разорванный рукав платья. И кровь. Темная, уже подсыхающая струйка на плече. Царапина была неглубокой, но длинной. След от ножиц. Метка зверя.

Я смыла кровь мокрой тряпкой, морщась от боли. Боль отрезвляла. Боль говорила: ты жива. Ты спасла его. Но на-

долго ли?

– Мам, – Миша сидел в воде, не шевелясь. – Мы уедем отсюда?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как могильная плита. Я замерла с полотенцем в руках. Уехать? Забор четыре метра. Охрана. Глеб. И теперь я знала, *почему* здесь такая охрана. Не чтобы не впустить врагов. А чтобы не выпустить то, что внутри.

– Скоро, малыш, – солгала я, заворачивая его в пушистое махровое полотенце. – Скоро. А пока... пока мы будем играть в шпионов. Мы в тылу врага, понял? Нам нельзя показывать страх.

Миша кивнул. Серьезно. По-взрослому. В пять лет ему пришлось повзрослеть за один вечер. Спасибо тебе, Глеб Арский.

Я уложила его в кровать. Дала ему *Aston Martin* – единственное, что связывало его с этим местом хоть каким-то позитивом. Он заснул мгновенно. Психика отключила сознание, спасаясь от перегрузки.

Я осталась одна. В полумраке, сидя в кресле напротив двери. Я не могла спать. Я караулила. В руке я сжимала тяжелую бронзовую статуэтку с тумбочки – какого-то абстрактного коня. Если дверь откроется... Если войдет Артем... Или Глеб... Я ударю. Я больше не буду колебаться.

Часы показывали три ночи. Тишина в доме была абсолютной. И вдруг... *Пик*. Электронный писк замка. Того самого,

на который я заперла дверь.

Я вскочила, перехватывая статуэтку поудобнее. Ручка медленно повернулась вниз. Дверь открылась.

На пороге стоял Глеб. Он выглядел так, словно прошел через мясорубку. Джемпер исчез. Он был в одной футболке, пропитанной потом и грязью. На руках – ссадины. Волосы мокрые, прилипшие к черепу. Но страшнее всего было его лицо. Осунувшееся. Серое. Глаза ввалились, под ними залегли черные тени. В одной руке он держал бутылку виски. Початую.

Он вошел, не спрашивая разрешения. Закрыв за собой дверь. Заблокировал замок. Посмотрел на меня. На статуэтку в моей руке. Усмехнулся.

– Бронза? – хрипло спросил он. – Хороший выбор. Тяжелая. Череп проломить можно.

– Сделай еще шаг, и я проверю теорию на практике, – прошипела я.

Он не сделал шаг. Он прислонился спиной к двери и сполз по ней вниз, пока не сел на пол. Вытянул длинные ноги. Сделал глоток из горла. Он выглядел сломленным. Победленным. Это сбilo меня с толку. Я ждала монстра. А увидела развалину.

– Он спит? – кивнул Глеб в сторону кровати Миши.

– Спит. После того, как твой выродок чуть не отрезал ему ухо.

Глеб закрыл глаза. Запрокинул голову, ударившись затыл-

ком о филенку двери. – Не называй его так.

– А как мне его называть? Маньяк? Чикатило-младший? Глеб, ему пять лет! И он пытался нас убить! С улыбкой!

– Он болен, – тихо сказал Глеб. – Это не его вина. Это... генетика. И химия.

– Чья генетика? Инги?

При звуке этого имени Глеб вздрогнул, как от удара током. Он открыл глаза. В них плескалась такая мука, что мне на секунду стало его жаль. Но я тут же задавила эту жалость.

– Инги, – повторил он. – Ты ведь знаешь, что она умерла?

– Слышала. В новостях писали "сердечный приступ". В двадцать восемь лет.

– Ложь, – он сделал еще глоток. – Передоз. Коктейль из антидепрессантов, нейролептиков и алкоголя. Она глотала таблетки как конфеты. Даже когда была беременна.

Я зажала рот рукой. – Ты позволил ей?

– Я не знал! – он ударил кулаком по полу. – Я не знал, Алиса! Я был занят! Я строил этот чертов холдинг, я пытался забыть тебя, я работал по двадцать часов в сутки! А она... она сходила с ума тихо. В четырех стенах. Она скрывала это. А когда Артем родился...

Он замолчал. Тяжело дыша. – Что? Что было, когда он родился?

– Синдром абстиненции у новорожденного. Ломка. Он орал три месяца не переставая. Врачи его вытащили. Но мозг... Мозг пострадал. Органическое поражение лобных

долей. Отсутствие эмпатии. Агрессия. Он не понимает, что такое боль – чужая или своя. Для него это просто... информация.

– И ты держишь его здесь? – прошептала я в ужасе. – В клетке?

– А куда мне его деть? – он посмотрел на меня с вызовом. – В психушку? Чтобы его привязывали к кровати и кололи галоперидолом до овощного состояния? Чтобы пресса растерзала меня заголовками "Сын Арского – психопат"?

– Ты колешь его сам! Я видела!

– Это успокоительное. Спецсостав. Разработан в Швейцарии. Это гуманнее, чем смиренная рубашка.

Он поднял бутылку, посмотрел на янтарную жидкость на свет. – Я пытался лечить его. Лучшие клиники. Лучшие врачи. Все бесполезно. "Необратимые изменения". Он становится старше. И умнее. Он научился обходить замки. Он научился отключать сигнализацию. Сегодня... сегодня он пре-
взошел сам себя.

Глеб повернул голову ко мне. – Я боюсь его, Алиса. Я смотрю в его глаза и вижу пустоту. И я знаю, что однажды он убьет кого-то. Няню. Охранника. Или меня.

– Или Мишу, – добавила я ледяным тоном.

Глеб побледнел. – Я не допущу этого. Я усилю охрану. Я поставлю новые двери. Биометрию. Он не выйдет.

– Ты не можешь этого гарантировать! – я шагнула к нему, сжимая статуэтку. – Глеб, ты живешь на пороховой бочке!

Ты притащил нас сюда, в эпицентр взрыва! Отпусти нас. Пожалуйста. Я никому не скажу. Я подпишу любые бумаги. Дай нам уехать.

Он посмотрел на меня. Долго. Изучающе. В его взгляде что-то изменилось. Жалость исчезла. Вернулась сталь. Он медленно поднялся с пола. Отряхнул брюки. Поставил бутылку на комод.

– Нет.

– Что "нет"?

– Вы никуда не поедете.

Он подошел ко мне вплотную. Забрал статуэтку из моей ослабевшей руки. Поставил её на место. – Ты не понимаешь, Алиса. Артем – это моя тьма. Мой крест. Но Миша... – его голос дрогнул. – Миша – это мой свет. Мой шанс. Когда я увидел его сегодня... нормального, живого, чувствующего... Я понял, что не все потеряно. Что я не проклят окончательно.

Он схватил меня за плечи. Его пальцы были горячими. – Он нужен мне. Чтобы не сойти с ума в этом доме. И ты нужна мне.

– Я? Зачем? Чтобы менять памперсы твоему безумному сыну?

– Нет. Чтобы держать меня на плаву. Ты сильная, Лиса. Ты выжила там, где другие сломались бы. Ты – единственная, кто знает меня настоящего. И единственная, кого я...

Он осекся. Не договорил слово "любил". Или "люблю".

– Ты останешься, – сказал он твердо, ставя точку. – Завтра пресс-конференция. Ты будешь стоять рядом со мной. Ты будешь улыбаться. Ты покажешь всем кольцо.

Он полез в карман. Достал бархатную коробочку. Открыл её.

Там, на черном бархате, сиял бриллиант. Желтый. "Канарейка". Огромный, карата в четыре. Символ. Золотая клетка.

– Дай руку.

– Нет.

– Дай руку, Алиса. Или я надену его силой. А потом разбужу Мишу и расскажу ему, что мама хочет лишить его папы и "Aston Martin".

Я посмотрела на него с ненавистью. – Ты дьявол.

– Я просто мужчина, который защищает свое, – он перехватил мою левую руку.

Его прикосновение обжигало. Он медленно надел кольцо на мой безымянный палец. Оно село идеально. Тяжелое. Холодное. Как кандалы.

– Завтра в десять утра приедут визажисты, – сказал он буднично, не отпуская мою руку. – Платье тебе уже подобрали. Белое. Символ чистоты и... нового начала.

Он поднес мою руку к своим губам. Поцеловал костяшки пальцев. В этом жесте не было нежности. Это была печать владельца.

– Спи, – сказал он. – Я поставлю охрану у твоей двери.

Личную. Барса. Артем не выйдет. Я вколол ему тройную дозу. Он проспит сутки.

– А потом?

– А потом мы что-нибудь придумаем. Мы теперь семья, Алиса. Мы справимся. Вместе.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась. Замок щелкнул.

Я осталась стоять посреди комнаты. С тяжелым желтым камнем на пальце. С раной на плече. С сыном, который спит в соседней комнате и видит во сне ножницы. И с осознанием того, что выхода нет.

Я подошла к окну. Дождь кончился. Луна – настоящая, холодная, щербатая – вышла из-за туч. Она освещала темный массив леса за забором. И правое крыло. Окна там были темными. Но мне показалось, что я снова вижу силуэт за стеклом. Маленький. Неподвижный. Он не спал. Тройная доза? Монстры не спят, Глеб. Они ждут.

Я посмотрела на кольцо. Камень сверкнул в лунном свете, как глаз хищника. Завтра я продам свою душу перед камерами. Но я сделаю это дорого. Если я должна жить в аду, я стану его королевой. И я уничтожу любого демона, который посмеет подойти к моему сыну. Даже если этого демона зовут Глеб Арский.

Я легла на кровать поверх покрывала, не раздеваясь. Сжимая в руке бронзового коня. Ночь только начиналась.

Глава 4. Белый траур

Первым, что я увидела, открыв глаза, был желтый блик на потолке. Он дрожал, преломляясь в хрустале люстры, злой и яркий, как глаз хищника, наблюдающего из засады.

Я моргнула, пытаюсь сфокусировать взгляд. Рука затекла. Что-то тяжелое, холодное, инородное давило на палец, оттягивая кисть вниз. Я подняла руку к лицу. Камень. Огромный желтый бриллиант в оправе из белого золота. "Канарейка". Четыре карата чистого углерода, спрессованного веками и купленного Глебом Арским за цену, на которую можно построить небольшую больницу.

Это был не сон. Кошмар не закончился с рассветом. Он просто сменил декорации. Сменил ночную тьму и блеск ножей в руках безумного ребенка на утреннюю серость и блеск бриллиантов.

Я лежала на кровати поверх покрывала, в том же черном платье, пропитанном потом и пылью вентиляционной шахты. В правой руке я все еще сжимала бронзового коня. Мои пальцы свело судорогой, они одеревенели, приняв форму оружия.

Я с трудом разжала кулак. Статуэтка глухо ударилась о ковер. Звук показался мне оглушительным.

Я резко села. Голова закружилась, к горлу подкатила тошнота. Последствия шока. Организм требовал глюкозы, воды

и покоя, но вместо этого получил дозу кортизола.

Миша. Я метнулась взглядом к соседней кровати. Он спал. Свернувшись калачиком, подтянув колени к груди. Поза эмбриона – защита от внешнего мира. Рядом с ним, на подушке, лежал серебристый *Aston Martin*. Он дышал ровно. Живой. Целый.

Я выдохнула, чувствуя, как немного отпускает стальной обруч, сжимавший грудную клетку всю ночь. Правое плечо пекло огнем. Я скосила глаза. Ткань платья была порвана, на коже запеклась кровь. Царапина была длинной, воспаленной. "Память" от Артема.

Часы на стене показывали 09:15. В десять приедут визажисты. В десять начнется спектакль под названием "Счастливая невеста".

Мне нужно в душ. Мне нужно смыть с себя этот дом, этот страх, этот запах безумия. Я встала, пошатнувшись. Ноги были ватными. Подошла к двери. Проверила замок. Заперто. Я повернула вертушку, открывая дверь изнутри. Выглянула в коридор.

Пусто. Только в конце коридора, у лестницы, стоял охранник. Не тот, что вчера. Новый. Огромный, в черном костюме, с наушником в ухе. Увидев меня, он не шелохнулся. Просто проводил взглядом, как камера слежения. Барс, начальник охраны, стоял прямо у моей двери. Скрестив руки на груди. Он выглядел свежим, выбритым, словно не провел ночь, разгребая последствия ЧП в правом крыле.

– Доброе утро, Алиса Андреевна, – кивнул он. Голос ровный, безэмоциональный. – Глеб Викторович просил передать, что завтрак подан в ваш номер. Команда стилистов ожидает в холле.

– А Глеб Викторович? – спросила я хрипло. Голос сел.

– Глеб Викторович занят. Он подойдет перед выездом.

Я захлопнула дверь перед его носом. Занят. Конечно. Наверное, проверяет, надежно ли прикован его старший сын к батарее. Или вкалывает ему очередную дозу швейцарской "гуманности".

В дверь постучали. – Обслуживание номеров.

Вошла горничная с тележкой. Запахло кофе, свежей выпечкой и омлетом. Запах еды вызвал новый приступ тошноты, но я заставила себя посмотреть на поднос. Я должна есть. Я не могу упасть в обморок перед камерами. Глеб не простит слабости.

– Оставьте здесь, – я кивнула на столик у окна.

Горничная быстро расставила тарелки, стараясь не смотреть на меня. На мое грязное платье. На рану на плече. В этом доме персонал, видимо, обучен быть слепым и глухим. Идеальные свидетели для преступления – те, кто ничего не видел.

Я зашла в ванную. Сбросила черное платье на пол. Оно упало тяжелой, пыльной грудой. Я пнула его ногой в угол. Сжечь бы его. Встала под душ. Включила кипяток. Вода обжигала кожу, но мне было мало. Я терла себя жесткой мо-

чалкой, сдирая верхний слой эпидермиса, пытаясь добратъся до нервов, выжечь ощущение чужих рук, грязи, прикосновений Глеба.

Рана на плече закровоточила снова. Я смотрела, как розовая вода стекает в слив, закручиваясь в воронку. Так утекает моя жизнь. В канализацию амбиций Глеба Арского.

Когда я вышла, завернувшись в халат, Миша уже проснулся. Он сидел на кровати и ел круассан. Его глаза были серьезными. Слишком серьезными для ребенка, который только что проснулся. Он не спросил, где мы. Он помнил.

– Мам, – он проглотил кусок. – Тот мальчик... он там?

Он показал пальцем в сторону стены.

– Нет, – твердо сказала я, садясь рядом и обнимая его мокрыми руками. – Его там нет. Папа... дядя Глеб закрыл ту дверь. Навсегда.

– Он хотел сделать мне больно.

– Он болен, Миша. У него в голове... путаница. Он не хотел зла, он просто не понимает, что делает.

– Он понимает, – тихо сказал сын. – Он улыбался.

Меня пробрал озноб. Дети чувствуют фальшь. Дети видят суть. Артем улыбался. Ему нравилось. Это была не просто болезнь. Это было зло. Чистое, дистиллированное.

В дверь снова постучали. Настойчиво. Три коротких удара. Время.

– Войдите! – крикнула я.

Дверь распахнулась. В комнату вплыла процессия. Три

женщины и двое мужчин. Все в черном, с огромными кейсами, кофрами и переносными зеркалами с подсветкой. Они напоминали десант спецназа, только вместо винтовок у них были плойки и кисти.

Впереди шла высокая женщина с коротким ежиком платиновых волос и красной помадой. – Бонжур! – провозгласила она, оглядывая комнату цепким взглядом. – Я – Жанна. Мы здесь, чтобы сделать из вас королеву. У нас сорок минут. Тайминг жесткий. Девочки, разворачиваем свет! Алекс, распакуй платье!

Они заполонили пространство. Шум, суета, запах лака для волос, звон инструментов. Они игнорировали Мишу, который вжался в спинку кровати. Они игнорировали мою бледность. Они видели во мне "объект". Болванку, которую нужно раскрасить.

Жанна подошла ко мне, взяла за подбородок. Повернула лицо влево, вправо. – Тон кожи серый. Обезвоживание. Синяки под глазами – ужас. Придется накладывать плотный тон. Консилер номер два. Ее взгляд упал на мое плечо, где халат распахнулся. На свежую царапину.

Она замерла. Ее профессиональная улыбка на секунду дрогнула. – Оу... – протянула она. – У нас производственная травма? Кошечка поцарапала?

Я посмотрела ей прямо в глаза. – Тигр, – ответила я ледяным тоном. – Очень большой и очень злой тигр. Замажете? Или оставим как элемент дизайна?

Жанна хмыкнула. Оценила мой тон. В ее глазах промелькнуло уважение. – Замажем. У нас есть камуфляж для татуировок. Скроет даже пулевое ранение. Девочки, работаем!

Меня усадили в кресло перед зеркалом. Началась пытка красотой. Пока одна девушка наносила на лицо базу, другая уже сушила мне волосы, вытягивая их брашингом так сильно, что мне казалось – скальп останется на расческе. Третья занималась руками. Маникюр. Нюд. Короткие ногти. "Жена политика не носит когтей", – прокомментировала Жанна.

Я сидела, закрыв глаза, и пыталась отключиться. Представляла, что я не здесь. Что я на Бали, в маленьком бунгало, слушаю океан. Но голос Алекса, распаковывающего кофр с платьем, вернул меня на землю. – Боже, это *Dior*? Винтаж? Или кастом? Глеб Викторович не поскупился. Ткань – тяжелый шелк, микадо. Это просто архитектурный шедевр.

Платье. Я открыла глаза. Алекс держал его на вешалке. Белое. Ослепительно, хирургически белое. Футляр длиной до середины икры. Глухой ворот-стойка. Длинные рукава. Никакого кружева, никаких страз. Строгость. Чистота. Неприступность. Оно напоминало смиренную рубашку от кутюр.

– Надеваем, – скомандовала Жанна.

Я встала. Сбросила халат. Жанна и Алекс помогли мне войти в платье. Ткань была прохладной, плотной. Она облепила тело, создавая жесткий каркас. Молния на спине застегнулась с длинным, змеиным шипением. *Взззззт*. Я по-

чувствовала, как корсет внутри платья сжал ребра. Дышать стало труднее. Идеально. Мне и не нужно дышать. Мертвым кислород ни к чему.

Жанна подошла с кистью. – Плечо, – скомандовала она. Она нанесла слой густого, плотного крема на царапину. Припудрила. Снова крем. Снова пудра. Через минуту кожа на плече была идеально ровной, фарфоровой. Ни следа крови. Ни следа боли. Магия лжи.

– Готово, – объявила она, отступая на шаг.

Я посмотрела в зеркало. На меня смотрела чужая женщина. Ее кожа светилась здоровьем (хайлайтер). Ее глаза были огромными и выразительными (накладные пучки ресниц). Ее губы были чувственными, но строгими (помада цвета "пыльная роза"). Волосы были убраны в сложную, гладкую ракушку на затылке. Ни один волосок не выбивался. На пальце сверкал желтый бриллиант, идеально гармонирующий с золотыми пуговицами на манжетах платья.

Это была идеальная трофейная жена. Статусная вещь. Дорогой аксессуар. В этой женщине не было ничего от Алисы Романовой, которая вчера ползла по трубе, сдирая колени. Эта женщина не знала, что такое грязь.

– Браво, – раздался голос от двери.

Все обернулись. Стилисты замерли, вытянувшись в струнку. Глеб стоял в дверях. Он тоже преобразился. Ночной развалины в грязной футболке больше не было. Передо мной стоял Глеб Арский с обложки *Forbes*. Темно-серый ко-

стюм-тройка, сшитый на заказ на Сэвил-Роу. Белоснежная рубашка. Шелковый галстук цвета стали. Он был выбрит до синевы. Волосы уложены. Только глаза... Глаза остались прежними. В них, на самом дне, за радужкой цвета зимнего неба, все еще плескалась тьма. И усталость. Смертельная усталость человека, который не спал неделю.

Он вошел в комнату, неся с собой запах *Tobacco Vanille* и морозной свежести. Подошел ко мне. Обошел вокруг, осматривая, как покупатель осматривает лошадь перед скачками.

Жанна и её команда затаили дыхание. Глеб остановился передо мной. Его взгляд задержался на моем левом плече. Там, где под слоем грима была рана. Он знал, что она там. Он помнил.

– Идеально, – произнес он.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Едва ощутимо. – Ты красивая, Алиса. Пугающе красивая.

– Это грим, Глеб, – ответила я, не отводя взгляда. – Под ним – синяки и шрамы. Ты же знаешь.

– Публике не нужно знать, что под оберткой, – он убрал руку. – Главное – картинка.

Он повернулся к Мише, который все это время сидел на кровати, наблюдая за нами с мрачной настороженностью. Миша был одет в новый костюмчик: темно-синие брюки, белая рубашка, жилетка. Мини-копия Глеба. Няня (новая? или Ирина Витальевна?) успела его переодеть, пока меня красили.

– Ты готов, боец? – спросил Глеб сына.

Миша сполз с кровати. Подошел ко мне, взял за руку. Крепко сжал мои пальцы своими, теплыми и липкими от круассана. – Я с мамой, – сказал он.

Глеб кивнул. – Правильный ответ. Мы все вместе. Семья.

Он посмотрел на часы. – Выезжаем через пять минут. Пресса уже собралась в "Ритце". Там будет человек двести. Камеры, вспышки. Он наклонился ко мне, понизив голос так, чтобы слышала только я. – Алиса, слушай внимательно. Никаких импровизаций. Ты молчишь и улыбаешься. На вопросы отвечаю я. Если спросят про сына – мы "скрывали его ради безопасности". Если спросят про нас – "любовь прошла испытание временем". Ты поняла?

– А если я закричу? – тихо спросила я. – Если я скажу им, что ты держишь нас в заложниках? Что у тебя в подвале сидит ребенок-маньяк?

Глеб улыбнулся. Это была улыбка, от которой кровь стыла в жилах. Самая страшная из его улыбок – вежливая, светская. – Тогда, дорогая, завтра у Миши найдут редкое генетическое заболевание. Которое требует лечения в закрытой клинике в Швейцарии. И опеку передадут мне как единственному платежеспособному родителю. А тебя признают эмоционально нестабильной. У меня уже лежат папки с заключениями психиатров. На всякий случай.

Он поправил мне локон, который не выбивался. – Не заставляй меня использовать эти папки, Лиса. Я хочу, чтобы у

нас все было... по любви.

— По любви... — повторила я с отвращением. — Ты даже не знаешь значения этого слова.

— Научишь, — он подставил мне локоть. — Идем. Карета подана.

Я посмотрела на Мишу. Он смотрел на меня снизу вверх, ожидая сигнала. Бояться или нет? Я улыбнулась ему. Той самой фальшивой, глянцевой улыбкой, которую мне нарисовала Жанна. — Все хорошо, малыш. Мы идем на праздник. Там будет много дядей с фотоаппаратами. Ты просто держи меня за руку, ладно?

Я положила руку на локоть Глеба. Ткань его пиджака была мягкой, теплой. Под ней перекачивались стальные мышцы. Мы вышли из комнаты. Свита расступилась, пропуская нас. Король, королева и принц. Идеальная семья с плаката предвыборной кампании. Семья, построенная на лжи, шантаже и крови.

Мы спускались по лестнице. Внизу, в холле, стояла охрана. И у входной двери я увидела... Вереницу чемоданов. Не моих. Чужих. Розовых, брендированных *Louis Vuitton*. Штук десять.

Я замедлила шаг. — Что это? — спросила я Глеба.

Он даже не посмотрел в сторону багажа. — Ах, это... — он поморщился, словно от зубной боли. — Сюрприз. Неприятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.